

ДАША СЕМЕНКОВА

ХИМЕРА

Даша Семенкова

Химера

<https://litres.ru/74650128>

Аннотация

Я – Аманда, медсестра из дома на холме. Мое прошлое стерто, будущее неясно, настоящее посвящено служению. Чтобы вновь обрести себя, я должна разгадать тайны, которые хранит старинный особняк. Но как справиться с тем, что главная из его тайн разобьет мне сердце...

Я – Марта, пациентка закрытой психиатрической лечебницы. Сирота, жертва глупой случайности, богатая наследница. У меня есть странный секрет: память о чужой жизни в ином пространстве и времени. Что это, болезнь или что-то другое? Я должна это выяснить, чтобы спасти свой рассудок.

Есть ли связь между мирами? Который из них – реальность?
Кто я?

Дорогие читатели! Это НЕ ужасы. Просто жанр "Готика" входит в тот же раздел. Здесь нет ничего страшного, только мрачная и печальная атмосфера. Осень, старинный дом и его тайны, заброшенные подземелья и всякое такое. Осторожно! Сюжет сложный, не все однозначно, а хэппи-энд в готическом романе не такой как в любовном! В комментариях спойлерыКнига содержит сцены употребления алкоголя

и психотропных препаратов. Употребление психотропных препаратов без назначения врача опасно для здоровья.

Содержание

1. Аверс	5
2. Реверс	15
3. Аверс	23
4. Реверс	31
5. Аверс	39
6. Реверс	47
7. Аверс	56
8. Реверс	65
9. Аверс	74
10. Реверс	85
11. Аверс	94
12. Реверс	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

1. Аверс

Дом, где я обитаю, полон секретов. Путь к главной его тайне столь странен и неочевиден, что всякий раз, проходя его, я удивляюсь причудливой фантазии хозяина. Впрочем, где мне понять игру разума гения. Я всего лишь слуга, прилежно и без лишних вопросов исполняющая свою работу, ведь кроме нее у меня ничего больше нет.

Вся прожитая жизнь стерлась из памяти, будто бы стала принадлежать не мне, а другим участником тех неведомых событий. Тому огромному миру, что простирается за горизонтом, моей *terra ignota*, сплошному белому пятну на карте.

Прошлое скрыто, и остается лишь гадать о нем, подобно балаганной прорицательнице, по знакам, отголоскам чьих-то фраз, вдруг найденным предметам. Пытаясь сложить из случайных осколков картину, столь же сомнительную, как расклад карт на столе шарлатанки.

Нынешние мои пространство и время весьма ограничены. Вереница дней, мало отличимых друг от друга. Осень. Старинный особняк на холме. Тихое, неприметное существование, подчиненное строго установленным порядкам. Работа, ради которой здесь нахожусь, и этот путь туда, где ждет самое важное дело.

Путь, который могу повторить в воображении до мельчайшей детали. До каждого шага.

Окованная железом дверь, узкая лестница в один пролет, ведущая в подвал с кирпичными арками и низкими потолками. Неизвестно, для каких целей служил он когда-то, но сейчас выглядел заброшенным. Порой казалось, что в темных комнатках притаились призраки и следят за живыми, посмеявшимися нарушить их покой, а причудливое эхо усиливало это впечатление, разнося и искажая звук шагов.

Снова дверь, которую приходится отпирать тяжелым ключом, вечно оттягивающим карман. За ней – спуск в шахты, заброшенные в незапамятные времена, еще более старые, чем дом над ними. Древние настолько, что в них вымерли даже призраки.

Тропа выбита множеством ног, ступавших по ней, должно быть, столетиями. Она ведет вдоль неровной стены камня, мимо ответвлений тоннелей, уходящих во мрак, по деревянному мосту пересекает подземный ручей. От воды веет холодом, мост сооружен аккуратно и тщательно, гладкие перила кое-где украшает полустертая резьба.

Три зияющих чернотой входа. Мой – крайний правый. Проход упрется в неожиданную здесь третью дверь, неуместно, подчеркнута новую, сплошь из стали. Без ручки и замков – чтобы ее открыть, нужно вставить в специальную выемку ключ, похожий скорее на инкрустированное драгоценными камнями украшение.

Зная, что в глаза ударит яркое белое сияние, ослепительное после темноты подземелья и слабого света моего фона-

ря, я зажмурилась. Не глядя шагнула внутрь – запрещено подолгу стоять на пороге. Дождалась, привыкая, и разомкнула веки.

Почему контраст старых шахт и спрятанной в них лаборатории всякий раз так сильно поражал? Ничего не помня о мире, я каким-то непостижимым чутьем понимала: это место ненормально. Словно сквозь тайную лазейку я попадала в далекое будущее, настолько оно было иным, непохожим на все вокруг.

Безликая чистота. Свежесть воздуха, очищенного от запахов. Яркий ровный свет от длинных матовых трубок, тянувшихся по потолку. Белые комнаты, блеск стекла и металла. Гудение и потрескивание неизвестных механизмов в тишине.

Сюда я приходила всегда одна и никогда никого не встречала. Там, в самом центре, в окружении стеклянных стен, как в большом аквариуме, ждал единственный пациент.

Чтобы попасть к нему, следовало сначала зайти в прилаженную к аквариуму маленькую комнатку. Тщательно, до локтей вымыть руки едким мылом. Взять в металлическом шкафчике белоснежный халат, шапочку и фартук – все эти вещи, выстиранные и отутюженные, кто-то оставлял для меня каждый день. Спрятать волосы под шапочкой, лицо – под марлевой повязкой, на руки надеть перчатки из странного материала, похожего одновременно на резину и тончайшую кожу неведомого существа. В первое время прикосновение

к ним вызывало отвращение, но теперь успела привыкнуть.

После ничего нельзя трогать. Дверь аквариума сама собой мягко сдвинулась в сторону, когда я встала на небольшую платформу перед ней. Здесь все поддерживалось благодаря удивительно слаженной, надежной и четкой работе механизмов, словно лаборатория – живое существо, впустившее меня в свое чрево. Порой казалось, что она каким-то образом за мной наблюдает, сторожа своего подопечного.

Впрочем, мне бы и в голову не пришло причинить ему вред. Он лежал на узком столе в обычной своей позе, на спине, развернув руки ладонями вверх. Сбоку и снизу к нему тянулись разнокалиберные трубки из того же материала, что и мои перчатки – на вид они напоминали червей или жилы, вынутые из мертвого животного. Две из них ныряли в ноздри пациента, одна, более жесткая и ребристая, будто трахея, уходила в горло между сомкнутых губ.

Я в который раз подумала, что ему, наверное, будет неприятно ощутить их, когда очнется.

Раньше рядом с ним возникало иррациональное чувство, словно внутри живого тела, в глубине которого спокойно и ровно билось сердце, грудь которого вздымалась и опадала при дыхании, нет души. Но вчера произошло нечто очень важное, о чем сообщил профессор Фергюс Баркли и велел обращать внимание на любые, даже самые незначительные изменения, какие замечу. О том, что именно случилось, он умолчал, должно быть, чтобы мой взгляд оставался как мож-

но более беспристрастным.

Я вошла в стеклянную палату, напрягая разом все органы чувств, готовясь уловить это важное нечто. Не в силу исполнительности, нет, свою работу я проделывала хоть и старательно, но без малейшего стремления угодить. Меня охватила жажда перемен, любых, пусть они окажутся страшными либо совершенно пустяковыми. Предвкушение чуда.

На первый взгляд не изменилось ничего. Все то же обнаженное тело, гладкое, без единого волоска, шрама, пятна или высыпаний. Правильность пропорций и черт – превосходный образец молодого, хорошо сложенного мужчины, разве что излишнюю худобу можно было назвать незначительным изъяном. Широкие прямые плечи, выступающие нижние ребра и впадина живота. Голубоватый узор вен под сливочной кожей.

Трубки. Равномерное дыхание. Плотно сомкнутые веки без ресниц.

Он казался искусно сделанным манекеном, не человеком – подобием человека, наделенным противоестественной жизненной силой. Разум подсказывал, что это должно пугать, но рядом с ним я не ощущала ни намека на страх.

Как и стыда, глядя и прикасаясь к нему даже там, где касаться недопустимо. Говорят, я опытная медицинская сестра, работала в военном госпитале. А значит, вид мужских тел мне привычен – увечных, изуродованных, грязных, и уж конечно меня не могло смутить это тихое совершенство, не

доставляющее ни малейших хлопот.

То, что приходилось делать, тоже было привычным. Настолько, что когда пришла сюда впервые и всего боялась, с удивлением обнаружила, как руки будто сами собой взялись за дело, стоило приступить. И сейчас я не особенно задумывалась над своими действиями.

Разложила все необходимое на железном столике на колесах. Открыла ящик для стерилизации, чтобы, как всегда, обнаружить готовые к использованию инструменты. Сделала раствор и смочила в нем салфетку.

Протерла пациента, всего, от скрытых местечек за ушами до тех мест, которые молодой девице видеть не полагается. Для меня это было всего лишь работой. Просто изгибы, выступы и впадины. К тому же он был чист, словно ангел – выделения организма отводились трубками, будто вросшими в кожу. Другие трубки питали его.

Закончив спереди, я перевернула его на бок. Без особых сложностей, он был строен и не отличался развитыми мускулами, а я – сильнее, чем казалось на вид. Придерживая за плечо, потянулась рукой с салфеткой... И замерла.

Запах. Ничего похожего на грязь или смрад, издаваемый телами страдающих от пролежней безнадежных больных (я его помнила?). Такого и быть не могло, ведь каждый день его кожу обрабатывали особым раствором, а затем тонкой серебристой пудрой, напоминавшей тальк. Нет, этот слабый, едва уловимый запах был приятен.

Я невольно склонилась, пытаюсь лучше его почуять. Теплый уютный аромат здорового, молодого тела, нагретого во сне. Наверное, подобный окутывает нежным коконом любовников, уснувших в объятьях друг друга...

Эта мысль заставила отпрянуть. Будто совершала нечто недозволенное, преступное, и невидимый наблюдатель меня застал. Я не должна так думать. И не могла этого знать.

Смочила и отжала салфетку, на миг поднесла ее к лицу, чтобы лекарственная горечь хоть немного притупила обоняние. Расправила – вопреки ожиданиям, пальцы не дрожали. Руки вновь заработали с отдельной от моих растревоженных чувств уверенностью.

Смочить шею, спину, бедра и ягодицы. Вытереть насухо. Обработать пуховкой с порошком. Аккуратно вернуть в прежнее положение. Немного помассировать руки и ноги, разгоняя кровь. Набрать в шприц прозрачной жидкости из ампулы. Дважды щелкнуть по стеклу ногтями, заставляя крохотный пузырек воздуха оторваться от стенки. Ввести лекарство пациенту в вену. Вернуть шприц в стерилизатор. Больше сегодня от меня здесь ничего не требовалось.

Никто не придет, пока я не выйду – таковы правила. Но все же казалось, будто кто-то наблюдает украдкой. Это ощущение чьего-то присутствия, и то не оправдавшееся ожидание перемен, с которым шла сюда, толкнули меня на дерзкий поступок. Окинув взглядом неподвижное тело, я решительно стянула перчатку. Помедлив какие-то доли секунды,

приложила ладонь к обнаженной груди.

Мне не впервые хотелось его коснуться. Просто чтобы развеять сомнения — человек ли. И вот наконец я ощутила шелковистую гладкость и тепло его кожи, такой нежной, словно не знавшей ни иссушающего ветра, ни морозов, ни палящего солнца. Впрочем, узнай я, что он с рождения был заперт в этом доме и, возможно, никогда не видел солнечного света — не удивилась бы.

Его сердце билось в обычном ровном ритме. Ни один мускул не дрогнул в ответ на мое прикосновение.

Прерывисто вздохнув, я вновь натянула перчатку, не без труда, кисть успела взопреть от долгой работы в ней. Затем села на неудобный маленький табурет возле пациента и сделала то, что делала всякий раз перед тем как его покинуть. Не понимая, есть ли в том смысл, не спросив ни у кого разрешения, я заговорила.

— Как ваши дела, мой друг? Профессор Баркли предупредал о неких изменениях в вашем состоянии, наверняка они будут к лучшему. Как знать, не ответите ли вы мне со дня на день. Или не желаете говорить? Я утомила вас? — тут я выдержала паузу. — Что же, позвольте считать, что вы не возражаете. Увы, у меня для вас вот уже второй день нет решительно никаких интересных новостей. Да и откуда им здесь взяться! Разве что Эдит, вернувшись утром из города, жаловалась, что цены растут как сумасшедшие. За фунт чая отдала двадцать семь пенсов, а недавно он стоил двадцать, а

говядина... Впрочем, есть ли вам до этого дело. Вас, должно быть, интересуют новости большого мира, но увы – до меня они почти не доходят. А в доме запрещены разговоры о войне. Но я случайно подслушала, что в наших краях все спокойно, и сюда не долетает вражеская авиация. Видимо, бояться нам нечего...

Я рассказала о погоде. О том, что сегодня было на обед и как в столовую залетела маленькая птичка, а суеверная Эдит заявила, что это не к добру. Говорила все, что приходило в голову, просто чтобы хоть что-то сказать. Не веря в то, что он слышит, тем более что понимает.

Но когда невидимый механизм с утробным рычанием ожил, выпуская меня наружу, я вдруг с абсолютной ясностью поняла: то ощущение пристального внимания внушал не кто иной, как мой бессознательный пациент. Понимание этого заставило буквально броситься вон. Когда дверь за спиной закрылась, я выдохнула и обернулась.

Ничего не изменилось.

Это все нервы. Чрезмерно разыгравшееся воображение. Поспешно сняв облачение медицинской сестры и бросив все в корзину, я поспешила прочь. В мрачный, но все же нормальный дом. Наполненный нормальными красками, звуками и запахами, где все уже стало привычным и понятным. Только когда миновала подземелье, выбралась из подвала и увидела солнечный свет, я успокоилась.

Шел дождь. Говорят, в конце октября здесь это обычное

дело.

* Аверс (орел) — *лицевая, главная сторона монет и медалей, противоположная реверсу (решке)*

2. Реверс

Перестаньте меня трясти.

Свет – сомкнутые веки загораются красным. Шум накатывает приливной волной. Голоса. Звук шагов, пиликанье чье-то телефона. Волна приближается и отступает. Вспышка, тень и снова вспышка. Меня куда-то везут?

Где я?

Жар внутри, горло саднит, в пересохшем рту привкус какой-то гадости. Хочется вдохнуть поглубже прохладный воздух, но он пахнет больницей. Противно. Открываю глаза, но белый свет, бьющий с потолка, невыносим. Я опускаю веки... Кажется, я что-то всё-таки помню....

Лазарет переполнен, в городе началась эпидемия тифа. Должно быть, я заразилась от кого-то из пациентов.

– Куда вы меня... – голос будто чужой. Сиплый и еле слышный.

– Очнулась, – равнодушно отзывается какая-то женщина. – Пока в общую палату. Родне твоей звонили, утром кто-нибудь приедет и разберется.

Они что, с ума сошли? Не нужно сюда никому приезжать, да и не пустят, госпиталь на карантине... Но как же так вышло... Ничего не помню, совсем ничего.

– Вы остригли мне волосы? – пытаюсь коснуться головы, но мою руку ловят и укладывают обратно.

– Что? – удивленно переспрашивает второй женский голос. Молодой. Незнакомый.

– Она еще ничего не сообщает, не видишь что ли. Поддержи дверь.

Твердая поверхность подо мной совершает вираж, от которого под веками расцветают фейерверки. Невидимые женщины поднимают меня... И опять отключаюсь, так толком и не очнувшись.

Не знаю, сколько я валялась без сознания, но вторая попытка в него прийти оказалась удачной. Темно. Кто-то похрапывает в тишине. Душно. К запаху больницы добавился другой – запах множества тел разной степени свежести, запертых в помещении, которое давно не проветривали.

Ах, да. Общая палата. От этой мысли возникает паника. Неслабая такая, от которой начинает бешено колотиться сердце. Что со мной случилось? Шевелю руками и ногами – вроде целы. Только сил совсем нет и тошнит невыносимо, я бы может спала себе, если бы не тошнило.

Последнее, что помню – как выходим с Юлькой из бара и садимся в такси. Выпили, конечно. Ладно, кому я вру – накидались как свиньи, если честно. Что еще? Поехали ко мне? Наверное, решили продолжить. Судя по всему, продолжили.

Это что же я, в нарколожке? Не настолько ведь все было плохо, бывала я и пьянее. Или повезло нарваться на суррогатное пойло? Говорят, с него слепнут.

Здесь точно темно?

– Эй, – зову негромко. Вокруг спят все-таки. Никто не откликается. – Эй, ко мне кто-нибудь подойдет?

Приглушенный стон и возня на соседней койке. И все. Приподнявшись, вижу, что из-под закрытой двери пробивается свет. Никогда раньше не приходилось лежать в больницах. Как здесь, интересно, персонал вызывают? Может, где-то есть кнопка?

Шарю по тумбочке, но ничего похожего не нахожу. Зато роняю, судя по звуку, какую-то посуду. Не разбилась, но грохот звучит оглушительно.

Упс.

– Чего буянишь? – раздается сердитое ворчание.

– Мне бы позвать кого-нибудь. Медсестру.

– Какая тебе медсестра среди ночи? – соседка ворочается, чтобы на меня посмотреть. Крупная, до ушей закутанная в одеяло. Медведица в берлоге. – Спи давай.

– Но мне плохо!

Я не вру. Чувствую себя отвратно, нервная тряска не унимается, сердце трепыхается в сумасшедшем ритме. Кажется, у меня температура. Глядя на выход, понимаю, что дойти до него не хватит сил.

– И еще меня сейчас вырвет, кажется, – проговариваю вслух.

– Госсподи, – недовольно шипит медведица.

Выбирается из своего кокона, сев на кровати, шаркает ногами, ища тапочки. Грузно поднимается и идет к двери. Мед-

ленно, вразвалочку, будто нарочно. Распахивает ее, выпуская свет, и я вижу семь узких кроватей. Две пустые. На самой дальней кто-то спит, не прекращая храпеть. С двух смотрят на меня заспанные женщины.

Медведица приводит хмурую медсестру. Выслушав меня, она молча делает укол и уходит. Совсем скоро становится легче. Тошнота проходит. Я засыпаю.

Утром меня будят сообщением о посетителе. Радостно вскидываюсь – Дэнчик, кто же еще! Едва продрав глаза, вижу знакомый силуэт и едва сдерживаю недовольную гримасу. Нельзя, чтобы она подумала, будто я не рада. И так вон глядит своим особым взглядом... Даже не так – Взглядом. Тем самым, которым можно испепелить, превратить в камень и всякое такое.

– Тетушка! Как же хорошо, что ты наконец пришла, – мямлю сонно, на всякий случай скорчив жалобную рожицу.

Разжалобить эту высокую женщину с ледяными глазами, командирским голосом и осанкой солдата крайне трудно. Но лучше бы мне сейчас это удалось.

– Ничего хорошего, Марта. Совершенно ничего, – осаждает она с порога. Оглядывает обстановочку, заставляя моих соседок притихнуть. Опять переводит Взгляд на мою персону и брезгливо поджимает губы. – Собирайся. Я договорилась об отдельной палате.

– Не нужно было, мне и здесь неплохо. Здесь даже веселей.

Ненавижу оставаться одна. Особенно когда мне плохо. От одной мысли, что умру в одиночестве, охватывает ужас. Ну и пусть я в больнице: тут, как выяснилось, никого не дозовешься если вдруг что.

– Я договорилась, – повторяет она. В переводе на человеческий: делай как я говорю. Без вариантов.

Собирать мне в общем-то нечего. Все нужные здесь вещи она мне и привезла. В том числе халат, который я накинула. И немедленно почувствовала себя неуместной в этой общей палате дежурной больницы. Вряд ли мои соседки лежали в ней потому, что вместе веселей. Просто за нее платить не надо. За эти старые неудобные койки, тесноту, духоту и окна без штор.

Их аляповатые дешёвые одежды пестрят ситцем и синтетикой. На тумбочках – газеты с кроссвордами, какие-то банки и самая простая посуда из той, которую не жалко. Мой тёмно-синий махровый халат явно куплен в дорогом магазине. Вместе с нарядным картонным пакетом с фирменным логотипом, заглянув в который обнаруживаю упакованную в коробку с лентой фарфоровую чайную пару.

– Спасибо, – говорю кратко.

Тетушка вовсе не выпендривается, тем более не балует меня. Она просто любит красивые вещи. Ей покоя не будет при мысли о том, что ее воспитанница пьет больничный компот из не пойми где подобранного щербатого бокала.

– Ну... Я зайду в гости как-нибудь, – получается не вопро-

сительно и не утвердительно, а как-то жалко.

Соседки – все старше меня в той или иной степени – кивают без особого энтузиазма. Мы не успели даже познакомиться, не то что подружиться. И вряд ли дары тети Вали прибавили бы мне очков. Под фарфором обнаружилась шелковая пижамка и новенькое кружевное белье.

Она уверена, что на осмотр к дежурному врачу ходят именно в этом?

– Тёть Валь, а ты когда-нибудь в больнице лежала? – спрашиваю задумчиво, когда мы с ней остаемся наедине.

Одноместная платная палата выглядит куда как лучше той обители уныния, из которой меня перевели. А главное, здесь есть душ и собственный туалет. И телевизор – кажется, я знаю, чем заманить соседок в гости.

– Лежала, когда рожала. Повезло, быстро выписалась.

– Тогда тоже брала отдельную палату?

Похоже, ее удастся заболтать и отвлечь от разбора моих полетов. Это ведь любимая тема всех мамашек, и неважно, что ее сынуля старше меня...

– У нас с мужем тогда не было на нее денег, – она хмурит аккуратные линии бровей и снова смотрит на меня Взглядом. – К тебе сейчас придет психиатр. Надеюсь, ты вменяема, потому что его в этом обмануть не получится.

Разжалобить ее - тоже. Зря надеялась, она наверняка уже знает, что я отравилась вовсе не просроченным йогуртом.

– Я совершенно нормальная, и тебе это известно.

– Нормальные люди не мешают текилу с транквилизаторами, – следует безжалостное обвинение.

– Что? Но я давно ничего не принимаю, с чего ты взяла? – удивляюсь совершенно искренне. На всякий случай изо всех сил напрягая память. – У меня вроде бы оставались те таблетки, которые прописывали, когда мама... Ну, в общем я даже про них забыла.

– То есть они были ещё и просроченными? Прелестно. И что же ты хотела этим доказать? Привлечь внимание?

– Только не надо меня ни в чем обвинять. Я не собиралась ничего такого делать. Да, выпили немного с подружкой. Наверное, разболелась голова, искала аспирин и перепутала...

Хмыкнув, тетушка заявляет, что в моем аптечном шкафчике было что угодно, кроме аспирина. И что я чего только не намешала, удивительно, что смогли откачать. Но повторить не получится – она выбросила все без разбора. Что я наконец совершеннолетняя, и она больше не собирается меня опекать. Что ей надоели мои фокусы.

– Но тётенька Валечка, ты не можешь прямо сейчас меня бросить. С этим наследством. С этими, как ты их сама называла, гиенами...

– Довольно. Я свой долг перед твоим отцом перевыполнила. И перестань изображать несчастную сиротку, скоро у тебя будет более чем достаточно средств для существования и... – она вдруг замолкает. С досадой понимаю, что до сих пор не могу спокойно реагировать на такие вот фразочки. –

Извини. Я не хотела. Просто ты очень меня разозлила.

Внезапно становится страшно. Сейчас она уйдет, может даже насовсем. И у меня никого не останется. Ни отца, которого почти не знала. Ни матери, жить без которой давно успела привыкнуть. За четыре года, которые тетушка меня опекала, я так и не сумела ее полюбить, это было слишком сложно. Но вдруг захотелось повиснуть у нее на руке и захныкать, как в детстве.

Выражение строгого лица смягчается. Немного помявшись, она на несколько секунд накрывает мою ладонь своей. Ее рука как всегда холодная и сухая, прямо как хозяйка.

– Прекрати, Марта. Пора бы тебе наконец повзрослеть.

А потом она уходит. Я бездумно пялюсь в черный экран выключенного телевизора, пока не появляется медсестра, чтобы поставить систему.

3. Аверс

- Ваше имя?
- Аманда Риз.
- Откуда вы родом?
- Не знаю.
- Кто ваши родители? Живы ли они?
- Не помню.

Каждое утро в десять минут девятого наш разговор с профессором начинался с одних и тех же вопросов. И каждый раз я давала одни и те же ответы. Сначала старалась, размышляла над ними целыми днями, но все без толка. Однажды со злости назвала выдуманные имена и город, который первым пришел на ум.

На имена мой строгий экзаменатор лишь покачал головой, из чего следовал очевидный вывод, что с основными фактами моей биографии он знаком. А вот услышав географическое название оживился. Пришлось его разочаровать, признавшись, что прочла об этом городе в утренней газете. Статью, где про него говорилось, смогла пересказать едва ли не наизусть. Но никаких ассоциаций это место не вызывало.

С тех пор я смирилась и решила относиться к допросу как к врачебной процедуре. Возможно, мы соблюдали некий протокол, предписывавший эту формальность. Возможно, господин Баркли действительно ждал, что ко мне вернётся

память.

– Расскажите о своем самом раннем воспоминании, – внешне попросил он вместо того чтобы, как обычно, справиться о моем физическом самочувствии. – Любом, какое придет на ум. Не напрягайтесь, позвольте памяти свободно раскрыть образы в вашем сознании.

Я немного растерялась, замолчала, но он велел говорить. Начать с первого, что возникнет в голове, пусть рассказ выйдет бессвязным, важно не это. Расслабиться. Закрывать глаза и откинуться на спинку мягкого кожаного кресла.

– Вы мне доверяете, Аманда? Сможете быть со мной откровенной, как со своим лечащим врачом? – спросил монотонным, убаюкивающим голосом, когда я подчинилась.

– Да, я доверяю вам. Хотя и не знаю даже, кто я такая, но называть вас своим врачом для меня большая честь, профессор. – Я вздохнула, пытаясь сбросить напряжение. Воскресить в воображении картинку. – Я помню, как впервые приехала в этот дом. Должно быть, не собиралась остаться надолго, ведь при мне был единственный небольшой саквояж.

Дорогу размыло. Колесо застряло в колее, и мне пришлось подниматься на холм пешком. Дождь хлестал по косой, порывы ледяного ветра пронизывали до костей, рвали зонт из руки слуги, пытавшегося меня под ним укрыть. Мокрое шерстяное пальто не спасало, поднятый воротник натирал шею и кололся.

– Хорошо. Продолжайте, – кивнул Баркли. Его заострённая седая бородка качнулась, в стеклах очков в тонкой оправе на миг отразился отблеск огня, горевшего в камине. – Что вы видите вокруг?

– Все то же, что и всегда. Дом на холме – на первый взгляд он показался мне очень мрачным, будто населенным призраками. Из-за усталости и царившего вокруг ненастья, наверное... Грязную дорогу. Заросли торна и низкие кусты дикой вишни. Они ещё не облетели, листья кажутся такими яркими на фоне пасмурного неба. Город остался за спиной, я тогда на него не смотрела.

– Отчего же? С дороги открывается неплохой вид. Раз вы очутились здесь впервые, неужели не испытывали любопытства?

– Я замерзла, устала и хотела скорее попасть куда-то, где тепло и сухо.

– Что ещё вы чувствовали? О чем думали?

О чем? Стараясь мысленно перенестись в воспоминание, я попыталась вновь испытать все чувства, что испытывала тогда. Оживить их в сознании. Отчасти это удалось: возникли запахи – мокрая шерсть, едва уловимый дым заводских труб, сырость дождя и промозглая осенняя свежесть. Звуки: чавканье жирной грязи под ногами, опять же, дождь и ветер, шелест растревоженной им листвы. Несколько жёлтых листьев, сорванных с веток, прилетели прямо под ноги.

Холод. Остудяющая усталость. Слабое тепло в груди от

предвкушения, что скоро это закончится, я сброшу мокрые насквозь грязные туфли и протяну ноги к камину...

– О чашке горячего чая, – призналась в конце концов. – Если и знала в тот момент, кто я, откуда, куда и зачем приехала, то сейчас никак не получается вспомнить...

– Не мучайтесь, это нельзя делать насильно. И не старайтесь предполагать или домысливать, меня не события интересуют, а вы. Ваша память и ваш рассудок.

– Я безумна?

Конечно, я и раньше задавала этот вопрос. Но сейчас он слетел с моих губ, прежде чем успела подумать, нужно ли повторяться.

– Напротив, вы обладаете устойчивой психикой и на редкость рациональны. Но лишились практически всех воспоминаний в результате некоторой травмы, о которой пока вам не расскажу. Мы уже это обсуждали, помните?

– Странно, я подробно помню все, что здесь происходило. До мелочей. С того дня, в который, как мы выяснили, мой рассудок вновь пришел в норму. Но не в силах воскресить в памяти даже путь сюда. Только то, как поднимаюсь по размытой дождем осенней дороге...

– Когда вы сюда... прибыли, было лето, – сказал профессор. – То, что вы сейчас вспомнили, происходило значительно позже.

Ещё одна крупинка знаний о том, кто я есть. Баркли выдавал их скупно, часто не к месту. Крохотные детали, как ни

старайся – чего-то сколько-нибудь значимого из них не собрать. Но я жадно ловила каждую из частиц прошлого. Моих частиц.

– И что же я сейчас вспомнила? – спросила как бы между прочим. Не выказывая чрезмерный интерес.

– Пытаетесь меня обхитрить, Аманда? – уличил он меня. Без улыбки, но и без злости. – Сами узнаете со временем, раз начали. Ваша память как бы разделена на части, и наша задача найти момент, по которому проходит условная граница. Не беспокойтесь, всему свой черед. А пока живите как вам нравится и выполняйте свою работу. Вам ведь всего довольно? Есть ли какие-нибудь жалобы? Быть может, вопросы помимо тех, что мы договорились не обсуждать?

– Почему я не помнила даже собственного имени, не знаю местности, в которой нахожусь, но умею, к примеру, писать и читать, помню как держать ложку и уверенно делаю инъекции в вену? Почему знаю, какой породы собака нашего сторожа, но не помню её клички?

– Особенности вашей амнезии. Не утратив базовых знаний и приобретенных навыков, вы лишились воспоминаний о всех событиях, которые с вами происходили. Ваших привычек. Всего, что связано с личностью. Вы многое знаете и умеете, но что касается характера – представляете собой чистый лист. Почти ничем не похожи на человека, которым вы были.

– Вы хорошо меня знали, профессор? Какой я была?

– Даже захоти я ответить на этот вопрос – недостаточно. Мы не были близки, просто немного знакомы. – Он поднялся и положил ладонь мне на плечо, когда сделала порыв встать за ним следом. – Довольно на сегодня. Я не сторонник шоковой терапии и чрезмерного напряжения сил. Будем работать постепенно.

Я вопросительно посмотрела на него снизу вверх. Фергюс Баркли отличался внешностью жизнелюбивого весельчака. Высокий, со здоровой, сытой полнотой, гулким голосом и румяным круглощеким лицом. Его мясистый нос часто розовел, словно у любителя приложиться к фляжке, толстые губы легко приходили в движение и всегда были готовы к улыбке.

Это впечатление было правдивым разве только в его незначительной склонности к чревоугодию. Профессор Баркли любил вкусно покушать, но даже этим своим пристрастием с легкостью жертвовал ради работы. Он был фанатом своего дела, ради которого не жалел ни себя, ни других. Большую часть времени проводил в лабораториях, госпитале или в кабинете, где беспрерывно что-то писал.

За те дни, пока я жила в этом доме, он ни разу не принимал гостей. Сюда вообще неохотно пускали посторонних. Из чего я сделала вывод, возможно, поспешный, что некоторые эксперименты, производимые здесь, незаконны. Или же опасны настолько, что их результаты не должны получить огласку. Разумеется, своими впечатлениями я ни с кем не

делилась, да и вряд ли кому-то было бы интересно мнение обычной медсестры.

О самой большой тайне, надёжно спрятанной в подземелье, упоминать вслух и вовсе было запрещено, только когда отчитывалась перед Баркли после ежедневных процедур. Всегда наедине. Я не представляла, кто ещё из обитателей дома знал об этой тайне. Кто-то из прислуги? Доктор Пикфорд, вечно хмурый немногословный ассистент профессора?

Конечно, меня одолевало любопытство, как любого здорового человека в подобной ситуации. Так сложилось, что в особняке я находилась на особом положении, то ли из-за своей работы здесь, то ли потому, что одновременно была и пациенткой. Меня не принимали за равную ни хозяин с его единственным приятелем и помощником, ни прислуга. Не с кем было всласть посплетничать и пообщаться по душам, лишь перекинуться парой слов о погоде. К тому же здешние слуги разговорчивостью не отличались, что было совсем не удивительно.

Все, что мне оставалось – минуты, проведенные в палате загадочного пациента. Единственным временем, когда за мной не следили строго, было то, которое я с ним провожу. Однажды я нарочно позволила себе задержаться, почти на час, чтобы проверить, какой будет реакция моего начальника.

Ее не последовало. Выслушав обычный отчёт, он не задал

никаких вопросов.

А я с тех пор завела привычку говорить с этим телом, не подававшим признаки создания. Сначала чувствовала себя глупо, но с каждой минутой становилось проще. Слова лились как родник, пробившийся на поверхность. Размышления, сомнения, страхи... Да просто хотелось вспомнить их, слова, ведь до тех пор я даже не подозревала, богат ли мой словарный запас и поставлен ли голос.

Я на самом деле не с ним говорила, с собой. А он невольно оказался лучшим слушателем, какого только можно вообразить. Не перебивал. Ни в чем не упрекал. И главное, ему можно было доверять что угодно, не боясь, что перескажет кому-то ещё.

Увы, на днях профессор Баркли что-то сделал со своим пациентом. Что-то, что невозможно было увидеть, но рядом с ним я больше не чувствовала себя в одиночестве. Теперь я могла позволить себе говорить при нем лишь о чем-то незначительном, что не волнует ни его, ни меня саму. И невольно начала извиняться, когда проделывала нечто, что могло бы быть для него неловким или неприятным.

Тем утром, когда Баркли задавал мне вопросы, я обнаружила, что на теле пациента начали расти волосы. Пока появились только ресницы и брови – наметившийся контур намекал, что они будут темными, густыми и красивой формы.

4. Реверс

Тетя Валя появилась, когда умерла мама. Мне было пятнадцать, вполне себе взрослая девица для того, чтобы прожить самостоятельно. Правда, закон моей точки зрения не разделял. Несовершеннолетним полагается опекун, и никак иначе. Их мнения по этому поводу не спрашивают. И конечно первым делом пытаются напрямь ближайших родственников.

Отец тогда был жив-здоров, но он и раньше мной совсем не интересовался. У него давно была другая семья, та самая, ради которой он нас когда-то сбросил как балласт. Откупались алиментами. Благодаря им мы и протянули год, когда мама заболела. Так что я на него тогда не держала зла. Я вообще мало что соображала, так было хреново.

Со стороны матери нарисовался какой-то дядя из Читы, которого я до похорон видела два раза и те в раннем детстве. Его жена с мамой когда-то не поладили и с тех пор так и не помирились. Ясен красен, от идеи принять в семью сиротку она бы в восторг не пришла. Он, скорее всего, тоже не горел желанием, хотя соболезнавания выражал вполне себе искренне и обещал помогать чем сможет.

Однако внезапно позвонил отец, заявил, что ни в какую Читу я не поеду и что он все устроит. Жить с его семейством, которое я не знала, но догадывалась, что мне будут в нем,

мягко говоря, не рады... Та ещё перспектива. Ехать на другой край страны в город, где не знаю вообще никого – не лучше. Выбирать было не из чего, короче. Но мне и не пришлось.

Стоило проводить читинского дядю, как в нашу с мамой скромную двушку явилась она. Высокая, с этой своей военной выправкой и лицом как у статуи, с идеальной причёской и шикарными, безупречно подобранными шмотками. Совершенно неуместная в тесной квартире, небогатой, неубранной... Ладно, жуткий свинарник был, если честно. Я и так не фанат порядка, а тогда тупо пялилась целыми днями в телевизор, не соображая, что показывают, и об уборке вообще не думала.

Валентина Георгиевна, в скором будущем для меня теть Валя, открыла своим ключом, неизвестно, откуда он у нее взялся. Включила свет в прихожей, обвела оценивающим взглядом коридор, вещи на вешалке, следы подсохшей грязи на полу и меня, выползшую на звук в пижаме. Захотелось вытянуться по стойке смирно и немедленно извиниться, даже ещё не зная, за что.

– Н-да, – хмыкнула она и презрительно поджала губы. – Пригласишь войти?

– Ну, проходите, – махнула я рукой в сторону кухни. Там был бардак, но в комнатах ещё хуже. – А вы кто?

– Я поставлю чайник, а ты пока приведи себя в приличный вид, – велела она. С первой минуты взяв приказной тон. – Не забудь причесаться. И поговорим.

В этом она вся. Неважно, кто ты, где ты и что вокруг творится – все должно быть прилично. Узнав о надвигающемся конце света, она вычистит дом до блеска, сделает маникюр, макияж и укладку, отменит все договоренности и позаботится о том, чтобы помереть в красивой позе.

Ее жизнь подчинялась строгим правилам, до мелочей. Об этом я узнала в тот же день. Через несколько часов после новости, что теперь она будет обо мне заботиться до тех пор, пока не смогу это делать самостоятельно.

Я считала, что уже тогда была на это способна. Она до сих пор оставалась уверенной в обратном. В разгар нередких ссор она называла меня ужасной разболтанной девчонкой и велела собраться и вести себя как положено. Я отвечала: яволь, май фюрер.

– Фюрерин, если в женском роде, – хладнокровно поправляла она. – С твоими пробелами в образовании лучше молчать, если хочешь показаться умнее.

Никогда не хотела никем казаться. Все, чего хотела – сохранить за эти несколько лет свою личность и не свихнуться окончательно. Так что на восемнадцатый день рождения сделала себе подарок и собрала чемоданы. Тетушка мою затею не одобрила, но и не протестовала – незачем.

Личность мою она ценила не слишком-то высоко. В психическом здоровье, судя по всему, до сих пор не была уверена. Она ведь изучила мою медицинскую карту и в курсе, что когда-то в детстве мою нормальность ставили под сомне-

ния. Пусть в итоге сделали вывод, что я просто излишне впечатлительный и возбудимый ребенок с чересчур богатым воображением, и с возрастом все само пройдет. Но сам факт неоднократного посещения психиатра – все равно что клеймо. Все подробности она постепенно из меня вытянула, конечно.

Теперь ещё и это. Я понятия не имею, каким образом умудрилась наглотаться тех таблеток. Я просто ничего не помню. Да, напилась, но потому что ходила повеселиться. У меня никогда и мыслей о самоубийстве не возникало, даже в самые трудные времена.

– Почему я должна верить тебе, а не фактам? – вот и все, что я слышу в ответ на все оправдания. Вечно она так.

– Да каким блин фактам?! Предположениям какого-то врача, который меня в первый раз видел? Наверное, я лучше знаю, что произошло.

Как часто бывает во время наших разговоров, я срываюсь и перехожу на повышенные тона. Обычно в ответ на такое поведение получаю снисходительную ухмылочку, но не сейчас. Тетя Валя за рулём и, как положено, внимательно смотрит на дорогу.

– Но ты утверждала, что ничего не помнишь. Доктор сказал, что алкоголь мог тебя спровоцировать. Это депрессант, – возражает с невозмутимостью, от которой хочется кричать. Схватить ее и трясти, чтобы вызвать хоть какие-то нормальные человеческие эмоции.

– Это всего лишь успокоительное. Может, я хотела, ну, закинуться. Вызвать какой-то особый эффект, – огрызаюсь раздражённо.

Ой, зря. Не хватало ещё, чтобы она решила, будто я стала наркоманкой. Но ее на глупую провокацию не возмёмшь. Отличать мои реальные косяки от попыток вывести ее из себя давно научилась.

– Нездоровое желание, не находишь? Как и стремление напиваться до беспамятства. И потом, у тебя ведь недавно уже была депрессия, этого не будешь отрицать?

– Три года назад.

– Видишь, ты к ней склонна. Сама понимаешь.

– Нет! Ни к чему я не склонна...

– И это удручает, пора бы в твоём возрасте определиться, – перебивает она.

Знакомая песня. Куда я собираюсь поступать учиться. Об этом тоже говорили не раз и тоже все заканчивалось скандалом. Вернее, я скандалила. Она – поджимала губы и смотрела на меня как на кусок идиотки. У девушки из приличной семьи должно быть высшее образование. И точка.

– Может быть это ты определишься, чего конкретно сейчас от меня хочешь?!

Вроде бы ничего особо обидного она не сказала. Ничего нового. И даже делает вид, будто меня слушает. Но я не просто повышаю голос, а натурально ору. Тетушка виртуозно умеет меня доводить. Утверждает, что я ее тоже, но зву-

чит откровенным враньём.

Иногда кажется, что она согласилась взять меня к себе для того, чтобы строить. А что? Сын вырос и свалил, с мужем сто лет как в разводе. Собака, старый злобный йоркшир, воспитана идеально. Некем стало командовать, вот и впряглась. Фюрерин, что тут скажешь.

– Я хочу тебе помочь, – встав на светофоре, она наконец смотрит мне в лицо. – Раз уж больше некому. Однажды я взяла на себя обязательства и теперь не имею морального права от них отказаться.

– До моего совершеннолетия, – напоминаю, буквально силой вынуждая себя говорить спокойно. – И давно никому ничего не обязана. И так обо мне заботилась, столько для меня сделала...

– Не пытайся подольститься, я тебя насквозь вижу. Глупую растерянную девчонку, возомнившую себя взрослой. – Загорается зелёный, и она вновь отводит глаза. – В другой ситуации я бы оставила тебя разгребать все самой. Но сейчас сомнения в твоей дееспособности могут возникнуть не только у меня.

– Угу. У стаи гиен. Только поздновато, не находишь? Завещание уже написано, наследство я приняла. Или психи не наследуют?

– Психам назначается опекун. И сейчас, когда отца не стало, защитить твои интересы будет некому. – В ее голосе возникает напряжение. – Все очень серьезно, Марта. Не время

для глупых перформансов, внимание, которое таким образом привлечешь, окажется не тем, на которое наивно рассчитываешь.

– Спасибо, что так обо мне беспокоишься. Я очень, очень, очень-очень тронута, – глумливо произношу в ответ. – Особенно если вспомнить, что недавно ты отказалась помочь разобраться со всем этим наследством.

Я бы предпочла просто деньги на счёте. А не недвижимость, несколько тачек, доли в бизнесе, какие-то активы... Почти все, чем владел отец. Боюсь представить, что вытворяли его близкие родственнички, чтобы довести его до такого поступка. Версия, что у него внезапно проснулась совесть, отметалась как чересчур фантастическая.

– Я всего лишь хочу, чтобы последняя воля моего брата была исполнена как полагается, – говорит тетя Валя.

– И ради этого готова сдать меня в дурку?

– Не в дурку. И не сдать, ты не макулатура. А взрослая самостоятельная девушка. Склонная к депрессиям... Не спорь, дослушай. Не так давно с трудом пришла в норму после смерти матери, а теперь потеряла отца...

– ...которого едва знала.

– Об этом поговоришь со своим психотерапевтом. И обо всем остальном, что тебя беспокоит. Отдохнёшь за городом. А через некоторое время вернёшься со свежей справкой о вменяемости. Хорошо бы уложиться в два месяца, так что будь умницей.

Мы проезжаем знак, снимающий ограничения, и она прибавляет скорость. Впереди темнеет сосновый бор. Где-то там скрывается та самая платная закрытая лечебница. Как в дешёвом хорроре, честное слово!

– Заодно буду уверена, что ещё что-нибудь не сотворишь, – заканчивает свою речь тетя Валя.

Молча смотрю, как на лобовое стекло падают первые брызги дождя, и дворники приходят в движение. Очень хочется возмущаться и спорить. Но в этот раз она настолько права, что даже возразить нечего.

5. Аверс

Дом, в котором я живу, представляет собой старинный особняк, возвышающийся над долиной, где раскинулся город. Окруженный нарочито запущенным по последней моде садом, где деревья причудливо изогнуты борьбой с вечными ветрами, дом недобро взирает глазами вытянутых окон. И кажется, что в каком-то из них вот-вот появится призрак, вечный узник этого места, с тоской наблюдающий за живыми. Серый камень стен, кое-где увитых плющом, широкое мраморное крыльцо и арки над входом, потемневшая крыша, под которой, говорят, летом выют гнезда ласточки – он по-своему красив, хотя слишком строг и мрачен.

Осень дому к лицу. Невозможно представить его окруженным яркой зеленью лета или трепетными облаками весенних цветов, на фоне пронзительной яркости безоблачного неба. Наверное, причина в том, что я не видела его таким наяву и не обладаю достаточной силы воображением, чтобы воплотить в нем эту картину.

День за днём я вижу одно и то же. Длинный склон холма, поросший вереском. Старые кривые деревья в налете лишайников у его подножья. Колючие заросли торна. Размытая дождями дорога в город.

Сам город я почти не видала, лишь прошлась по главной его улице однажды. Бакалейная лавка, субботний рынок,

церковь, почта... Поздняя осень его совсем не красит. Деревья давно сбросили нарядный покров, и его, истлевший, дворники вымели с улиц. Черные мокрые стволы и голые ветви, черные стаи ворон и галок, вернувшихся с полей. Серые стены. Серый дым множества печных труб и главенствующих над ними – заводских, выбрасывающих густые темные клубы высоко в небеса. Ветер порой доносит копоть и запах гари, и горничная ворчит, торопясь снять с веревки непросохшее белье.

И все же всякий раз, глядя на эти трубы из окна, я испытываю невыносимое желание отправиться туда. Просто так, бесцельно бродить по улицам, среди людей, спешащих по своим делам. Наблюдать украдкой за их занятиями, ловить обрывки разговоров. Заглянуть в лавку и обсудить какую-нибудь свежую сплетню. Купить газету и устроиться с чашкой какао за столиком в булочной.

Увы, пока что я проделывала все это лишь в мечтах. Первое время профессор Баркли не разрешал уходить далеко и надолго, опасаясь за мое самочувствие, а вскоре после той, единственной поездки заявил, что я в любой момент могу понадобиться ему здесь. Таким образом доступное мне пространство ограничивалось домом, садом и ведущей к воротам аллеей. А мой круг общения – обитателями особняка.

Хозяин, закоренелый холостяк, ценил уединение. Посвятив себя работе, он не принимал друзей и родню и сам на моей памяти не наносил визитов, за исключением деловых.

Единственным частым гостем здесь был доктор Пикфорд, его ученик и помощник. Довольно молодой, но слишком хмурый тип. Со мной он держался подчёркнуто отстраненно. Казалось, даже обычная вежливость даётся ему с трудом.

Помимо необходимой прислуги, что полагалась каждому приличному домовладению, здесь жил медицинский персонал. К нему относилась я, пожилая санитарка, следившая за порядком и выполняющая грязную работу, и фельдшер, грубоватый верзила, больше смахивающий на портового грузчика, зачем-то надевшего халат.

Всем нам было строго приказано хранить профессиональную тайну. Обсуждать работу запрещалось даже между собой, и все безукоризненно соблюдали это правило. О причине я догадывалась: учитывая военное время, вряд ли удалось бы еще где-нибудь заполучить столь безопасное место. Да и работа здесь не могла сравниться со службой в военном госпитале или холерном лазарете, где врачи и медсестры боролись со смертью, пока не падали от усталости.

Наверное, мне должно было быть стыдно за то, что не стремлюсь туда как истинная патриотка. Но меня извинял тот факт, что я не знала даже названия своей страны, пока мне не подсказали.

Со слугами общаться было проще. До сих пор они держались обособленно и несколько холодно, и во взглядах, обращенных на меня, чувствовалась настороженность. Для них я в первую очередь считалась пациенткой профессора Барк-

ли. Пациенткой со странностями, возможно, повредившейся рассудком. Сначала вовсе старались меня избегать, но, видя мое дружелюбие и отзывчивость, понемногу оттаивали.

Но требование молчания очевидно распространялось и на них. В том, что касалось меня, наверняка: женщины, явно любившие почесать языки за вечерним рукоделием, неизменно замолкали при моем появлении. Со мной полагалось вести разговоры на ограниченные темы: о погоде, природе, искусстве и книгах, обыденных семейных делах моих соседей и их родственников – исключая хозяина, конечно. Никаких новостей. Ничего о моем прошлом или о событиях в окружающем мире.

Я решила считать, что профессор боялся нанести вред моей и без того изувеченной психике. Шла война. Новости должны были быть пугающими – пусть я их не слышала, но настроения, порой витавшие в доме, передавались и мне, наполняя сердце неясной тревогой и страхом.

Война... Где-то на далеких фронтах сражались полчища солдат. Убивали. Умирили. Совершали подвиги и предавали. Дымились руины городов и рушились судьбы. Где-то голодали люди, лишенные крова.

Здесь, в глубоком тылу, выросли цены на чай и говядину. Железо-прокатный завод работал для военных нужд в две смены, и трубы его чадили теперь непрерывно, а шум мешал горожанам спокойно спать по ночам. Некоторые семьи проводили молодых мужчин на фронт, кто-то уже успел опла-

кать мужей и сыновей. Вот, пожалуй, и все перемены, что принесла война в наши края. По крайней мере, все, что я смогла заметить в условиях практически полной изоляции. Потому и не воспринимала ее достаточно остро, словно не часть реальности, а рассказы о чем-то, что происходит не с нами. Где-то далеко.

А здесь были утренний осмотр, неизменная овсянка, кофе и джем на завтрак. Дожди и туманы, гулкое эхо в коридорах особняка, куда пробрались и обосновались до весны промозглая сырость и полумрак. Тени в углах давно пустующих комнат. Загадочные шорохи на чердаке и тоскливое зазывание ветра в печных трубах, когда он дул особенно сильно. Тихие вечера в библиотеке у камина или за шитьем в компании экономки и горничной.

И конечно же мой безымянный пациент. Ежедневные визиты к нему были, пожалуй, самой волнительной частью моих дней. Выполняя привычные манипуляции, я ловила малейшие намеки на перемены, ожидая – скоро что-то будет.

Когда его тело начало покрываться волосами, он перестал казаться противоестественным созданием. Все больше походил на обыкновенного человека. На голове волосы оказались густыми, темно-русыми. На теле росли светлые, мягкие как пушок. Лицо, благодаря оформившимся линиям бровей и длинным черным ресницам, приобрело слабое подобие хоть какого-то выражения – теперь похоже было, что он безмятежно спит. Стало красивым. С крупными правильными

чертами, не лишенными благородства: прямой нос, высокий чистый лоб, свидетельствующий о высоком интеллекте. Из-за впалых от худобы щек очертания скул и подбородка казались слишком резкими, но ему даже шло. Придавало этому неестественно спокойному лицу выразительности.

Рядом с ним я все чаще ощущала неловкость. От того, что прихожу без разрешения, когда он беспомощен. И от того, что вынуждена производить с ним столь откровенные манипуляции. Приступая к ним, я спрашивала позволения и выжидала несколько мгновений, словно давая возможность ответить.

Сегодня тоже спросила. Замерла, прислушиваясь к тихому гудению и пощелкиванию каких-то скрытых механизмов. Объявила, что раз он не против, я приступаю.

Глаза под плотно сомкнутыми веками на долю секунды пришли в движение.

Я застыла, едва не выронив из рук баночку с мазью. Не отводя взора от безмятежного лица пациента, осторожно поставила мазь на столик. Вокруг царил обычная тишина. Его грудь мерно вздымалась и опадала при дыхании. Неужели почудилось?

– Эй, – позвала негромко. – Вы меня слышите?

Никакой реакции.

– Вы здесь? Мне показалось, будто вы откликнулись. Что же, надеюсь, это не было выражением протеста. Позвольте, я вас умою.

Смочив в теплой воде салфетку, я склонилась над ним и бережно провела ею по щеке. Вместо привычной гладкости ощутив шероховатость почти незаметной на вид щетины. Его ресницы дрогнули. Теперь я могла поклясться, что не показалось.

Меня охватило волнение. Неужели он просыпается? И что мне тогда делать? Правила предписывали в случае любых непредвиденных происшествий подавать сигнал тревоги, для чего на стене крепился специальный рычаг, защищенный стеклянной коробкой. Но считать ли происшествием это едва уловимое движение? Возможно, его причиной стало непроизвольное сокращение мускулов, импульс нерва. Проявление физиологии, но не сознания.

Отложив влажную ткань, я коснулась лба пациента кончиками пальцев в перчатке. Осмелев, прижала ладонь. И тут же отдернула, испугавшись. Вдруг очнется? Мы ведь наедине, тем, кто устремится на подмогу, потребуется время. А я совсем ничего о нем не знала. Кто он. Какой он...

Решительно шагнув к стене, я сорвала стеклянную крышку и опустила рычаг. И осталась стоять там, поодаль от неподвижного тела, опутанного трубками. Беззащитного в своей наготе и в то же время отчего-то пугающего. Стрелки часов напротив отсчитывали секунды. Для того чтобы проделать путь сюда, мне требовалось семь минут. Профессор Баркли успел за пять с половиной. Кивнув мне из-за прозрачной перегородки, исчез в комнатке для переодевания, чтобы через

несколько мгновений явиться в полном облачении. Только маску пока не надел.

– Прекрасно. Все идет как и было запланировано, – с видимым удовлетворением произнес он, выслушав мой доклад. – Вы молодец, Аманда. Вернитесь наверх и пошлите за доктором Пикфордом, пусть бросает все свои занятия и срочно едет сюда. А сами отдохните как следует. Вечером вы мне понадобится.

Голос его звучал решительно и с вдохновением. Казалось, он готовился приступить к некоему очень важному и трудному делу, уверенный, что превосходно с ним справится. Мне следовало ответить, что все будет исполнено, и немедленно поспешить исполнять, но взгляд сам собой вернулся к пациенту.

– Неужели он скоро... Оживет? – спросила, не в силах побороть любопытство. Профессор сдержанно, но с нескрываемым самодовольством улыбнулся и кивнул в ответ.

– По сути, он уже ожил. Тело функционирует как должно, и в этот изумительный сосуд уже помещен разум... – он запнулся, явно чуть не сказав лишнее. – Но сегодня вечером я намерен его разбудить. Ступайте, Аманда. У вас будет достаточно времени, чтобы удовлетворить свой интерес.

6. Реверс

Учреждение, куда меня привезла заботливая тетушка, снаружи ничем не напоминает психиатрическую лечебницу. Оно так и не называется: на аккуратной табличке возле ворот написано "Медицинский центр Феникс". Впрочем, название вполне себе говорящее, если подумать.

За этим высоким глухим забором шизофреники, неудавшиеся самоубийцы и завязавшие наркоши добровольно-принудительно подвергаются перерождению. Восстают, так сказать, из пепла. Прелестно. У владельца, по крайней мере, есть хоть какое-то чувство юмора.

Небольшие двухэтажные корпуса больше похожи на базу отдыха. И место подходящее, вокруг сосновый бор. Речки правда не хватает, но местным пациентам она точно без надобности.

Симпатичные дома нарядных светлых цветов – белый, бледно-розовый, бежевый. Желтого я не заметила – на названии шутки кончились. Ухоженная территория с зелёными даже сейчас газонами, клумбами, на которых ещё не отцвели поздние астры, аккуратно выкрашенными бордюрами вдоль дорожек. Есть даже лавочки у декоративного пруда, хотя я бы предпочла бассейн.

Проследив, чтобы я подписала документы, тетушка спешит ретироваться. Трудно ее за это винить – мало кому при-

ятно находиться в месте, под завязку набитом психами. Повезло, что ни с кем из них не столкнулись, видимо, из-за дождя их разогнали по палатам.

На прощание она ещё раз велит быть умницей и обещает звонить. Не обнимает, не пытается подбодрить – для таких вроде бы обычных для нормальных людей проявлений чувств ей нужен веский повод. Вместо этого она говорит:

– Я забронировала для тебя одноместный номер, – и добавляет, слегка понизив голос: – Вряд ли ты найдешь здесь друзей, которые окажут на тебя хорошее влияние.

– Но я же не смогу безвылазно в нем сидеть, рано или поздно придется выйти. Вот тогда-то они и окажут, – хватаюсь я за последний шанс заставить ее передумать.

Бесполезно. Прощается с администраторшей и отчаливает. Бросает меня с чемоданами в фойе пусть элитного, но всё-таки дурдома. Среди леса, в получасе езды от ближайшего населенного пункта. За глухим забором. В одиночке.

– Прошу прощения, Марта, но я должна проверить, что у вас в чемоданах. В целях безопасности, – с вежливой улыбочкой сообщает администратор. – В нашей клинике гораздо меньше ограничений, чем в обычных больницах, но всё-таки они есть.

Она стройная, явно не очень молодая, но ухоженная. Ровные белые зубы, темные волосы убраны в аккуратную причёску. Бордовая юбка-карандаш, каблуки, строгая блузка подобрана в тон. Почему-то она кажется похожей на стюардес-

су с этой своей вышколенной улыбкой. Или потому что взяла мой чемодан.

– В моем багаже точно нет ничего запрещенного. Валентина Георгиевна его уже проверяла, и поверьте – эта ничего не пропустит.

Проследив за моим взглядом в сторону входной двери, за которой исчезла тетя Валя, администраторша в костюме стюардессы снова извиняется. Говорит, что ни в коем случае не думает, будто я собираюсь протащить что-то недозволенное. Просто такой порядок, и она обязана все проверить.

Пожимаю плечами. Надо так надо. Даже захоти я возмутиться – вряд ли помогло бы. У выхода стоит внушительного вида охранник. На нас он не смотрит, но своим присутствием значительно повышает ее авторитет.

Пока она роется в моих трусишках, от нечего делать изучаю расписание дня, выданный мне среди прочих бумаг. Жизнь пациента, оказывается, насыщена событиями, а день расписан буквально по минутам. К примеру, для приема лекарств в расписании выделено ровно по пятнадцать минут. Трижды в день, перед завтраком, после обеда и после ужина.

Здесь даже нашлось время для «просмотра телепередач» – видимо, психов сгоняют в одну комнату и включают им кино. Учитывая, что гаджеты, кроме электронных книг, запрещены, это тут единственное развлечение. Каждый вечер, с семи до девяти.

– А если фильм идет больше двух часов?

– Что, простите? – администраторша поднимает на меня удивленный взгляд. Я тычу палец в строчку режима дня. – Вы про это. Не волнуйтесь, у нас собрана неплохая коллекция, будет интересно. А распорядок составлен так, чтобы пациентам было максимально комфортно.

– Да как такое может быть комфортно? Десять минут на подъем, тридцать – на утренний туалет... Странно, что не указано, сколько из них чистить зубы, а сколько мыть голову... Кстати, я сова. Семь утра для меня это слишком рано.

Смотрю на часы за ее спиной и прикидываю, чем сейчас заняты мои собратья по несчастью. Тихий час. Теперь понятно, почему мы никого не встретили.

– Четкий распорядок дня очень важен. Помогает чувствовать себя уверенно, снижает тревожность. К тому же питание и сон в одно и то же время очень полезны для организма, вот увидите, – она застегивает второй чемодан. – Но если вас что-то не устраивает, вы всегда можете об этом поговорить с лечащим врачом. Уверена, вам помогут.

– Правда?

– Конечно! Вы ведь для того сюда и приехали, чтобы вам помогли, – она одаривает меня очередной улыбкой и кивает охраннику. – Володя, помогите девушке отнести вещи, будьте добры. Ваш номер в корпусе А, второй этаж, налево до конца коридора. Добро пожаловать, Марта.

«Добро пожаловать на борт рейса в город Нормальность», – невольно проигрываю в голове и криво усмехаюсь.

Ее доброжелательность, так же как и нарядная обстановка вокруг – видимость. Реальность вот она, в распорядке дня. Таблетки-процедуры-прием у врача-таблетки-сеанс групповой терапии-процедуры-таблетки. И вишенкой на торте последняя строчка, предупреждающая, что дверь в отделение закрывается в восемь. Пока психи смотрят телек и не ропщут.

– Угу, – бормочу хмуро.

Необязательно изображать любезность. Ей за это платят. Мне – нет. Наоборот, это мы заплатили немалые деньги за то, что меня будут поднимать в семь утра и выдавать мой же телефон строго по графику. Звонки под наблюдением персонала, как и переписка. Первым делом нашла этот пункт в правилах.

Я отрезана от мира. Все равно что в тюрьме. Вот же хрень.

Моя палата оказывается довольно просторной и уютной. Удобная кровать, из окна видно газон, какую-то беседку и сосны. Ну и забор, будто нарочно чтоб не забывала о том, что нахожусь в месте строгого режима, а не на курорте. Жаль, вместо ванной душевая кабинка, но ничего, потерплю. И зеркала в полный рост не хватает. И ключи не выдали – двери здесь вправе запирать только персонал, на моей и замка-то нет, ни внутри, ни снаружи. В остальном – обычный номер хорошей трехзвездочной гостиницы.

Даже решетку на окно не поставили. Правда, открыть можно только форточку. Маленькую – взрослый человек не

пролезет. Все предусмотрели...

До конца тихого часа еще сорок минут. Самое время осмотреться, пока местные не выползли из своих нор. Надеюсь, буйных держат отдельно и совсем поехавших тоже. Но и со всякими депрессивными личностями и полудурками с причудами знакомиться нет никакого желания. Я хоть и закончила медицинский колледж, но психиатрией совершенно не интересовалась.

Похоже, зря. Теперь психиатрия заинтересовалась мной.

Ерунда. Мне всего-то надо пройти обследование, убедить их, что я нормальная, и получить справку. Не в первый раз, бывало и труднее. А пока – освоиться на местности.

Выхожу в пустой коридор и первое, что замечаю – черную полусферу камеры. Этого следовало ожидать, опять же, все лучше, чем если бы тут круглосуточно медсестра дежурила. Скалюсь в улыбке и машу неизвестному наблюдателю. Я в порядке, ребят. Бодра и весела, никаких депрессий.

Кроме моей здесь есть еще четыре двери, по две с каждой стороны. Ну и входная, конечно, та, над которой камера висит. Напротив нее такая же, я обратила внимание, когда сюда шла. Наверное, палаты, или как они их деликатно называют, номера, расположены симметрично.

– Пс, – доносится в спину, когда прохожу мимо первых двух.

Оборачиваюсь и вижу щель, сквозь которую смотрит любопытный глаз. И поросячий оттенок розового, такого цвета

может быть только пижама.

– Привет, – произношу вполголоса. Обломалась моя прогулка.

Дверь приоткрывается еще немного, и розовая девица жестом зовет войти. Решив проявить дипломатичность, я не спорю. Она оказалась совсем мелкой, метра полтора ростом, кудрявой и круглощечкой. В меру пухленькой – пороссячья пижама на ней смотрится удивительно уместно. Что-то такое ей и надо носить. Миленькое.

– Я Марина, – шепчет она, глядя на меня испуганными глазками с реденькими ресницами.

Ее веки слегка красные и припухшие, будто недавно плакала или страдает аллергией. В сочетании с коротким круглым носом это делает ее похожей на перепуганную крольчиху.

– Марта, – отвечаю, глядя на комнату за ее спиной.

Двухместную. На второй кровати кто-то спит зубами к стенке.

– Круто, – снова шепчет Марина.

– Что?

– Имя. Необычное.

– Угу.

Я бы всем затейникам, кто любит необычные имена, запретила называть не то что своих детей, но и собак, аквариумных рыбок и персонажей в игре. Жаль, что папаша не ушел от нас до моего рождения. Его идея.

– Тебя в восьмую поселили?

– Ну.

– Не повезло, – вздыхает она.

С чего вдруг поселиться в номере люкс стало считаться невезением? Или тоже одиночество не любит? Хотя... В данном случае не знаю, что хуже.

– Мне нравится, – отвечаю, выдумывая вежливый предлог сбежать. Не говорить же, что осмотреться хочу, а то ещё увяжется.

– Это Олеси комната, – сообщает она с трагическим выражением. Тут недавно кто-то умер?

– М. А что с Олесей?

– Правды нам никто не скажет. В последнее время ее вечно запирали, мы почти ее не видели. А три... Пять дней назад она исчезла.

Ну конечно! Как же без страшных историй! Наверняка сейчас расскажет, что бедолагу врачи-убийцы уволокли в подвал и там пытаются электричеством.

– Неужели ей сделали лоботомию? – изображаю испуг.

– Чего?

– Шучу я. Выписали скорее всего. Так что палата, я надеюсь, счастливая...

– Тихо, – она хватается меня за руку, выпучив глаза ещё сильнее. И вдруг подпрыгивает, бросается на кровать, накрывается с головой одеялом и замирает.

Снаружи раздаются едва слышные шаги. Вот ведь. Нелов-

ко как-то получилось.

Не дожидаясь, пока меня здесь найдут, выхожу сдаваться. Медсестра в белой форме ждёт снаружи.

– Что вы там делали? – разумеется, спрашивает она.

– Искала, чем бы поживиться.

– Это не смешно. У нас строгий режим, и все пациенты должны его соблюдать. В тихий час нужно оставаться в своем номере. Нельзя беспокоить других.

– Я только приехала, так что...

– Я знаю. Пойдёмте, я покажу вам территорию, раз на тихий час уже опоздали.

7. Аверс

Вечером мы с Пикфордом идём в лабораторию – впервые после того как профессор Баркли показал мне путь, я проделываю его с провожатым. Мы молчим, он как всегда хмур и мрачен. Избегает смотреть на меня прямо, всей его обходительности хватает лишь на то, чтобы придержать дверь, пропуская меня вперёд.

– Вы наверняка знаете, что там будет, – решила я нарушить тишину. – Не скажете хотя бы в двух словах? Просто чтобы я была готова, и нервы не помешали работе.

– Вы хирургическая сестра из военного госпиталя, леди. Должны были научиться справляться с нервами.

Голос Пикфорда прозвучал приглушённо, и эху не удалось его подхватить. На меня по-прежнему не смотрел, уставился вперёд и шагал себе вслед за покачивающимся пятном желтого света фонаря.

– Почему вы назвали меня леди? – переспросила, чтобы в ответ наконец получить его взгляд. Колючий, подозрительный, словно он ожидал от меня какой-то подвох.

– Потому что вы леди, полагаю?

– Мы раньше были знакомы? Что вы обо мне знаете?

Он избегал оставаться со мной наедине, собственно, впервые это произошло на сколько-нибудь долгое время. И я впервые получила возможность его расспросить. К сожалению,

нию, он вовсе не рвался давать мне ответы.

– Что вы квалифицированная медсестра и в то же время проходите здесь некое лечение. Врачебная этика не позволяет мне интересоваться чужими пациентами, так что прошу меня извинить. Обращайтесь со всеми вопросами к профессору.

– Я говорю с вами не как пациент с врачом. Но мы ведь можем общаться не только по долгу службы...

– Нет. Не можем, – резко перебил он. – Возьмите себя в руки. Нам сегодня понадобится опытная и надёжная медсестра. Вас именно так и рекомендовали, не хотелось бы разочаровываться.

Если раньше он был просто хмур и нелюдим, сейчас проявил ещё и грубость. Я не желала ссор и про себя решила – раз он так себя ведёт, то и я не стану пытаться быть любезной и стараться выказать дружеское расположение. Тем более Пикфорд был не из тех, с кем искренне хотелось бы подружиться.

Профессор Баркли ждал нас внутри. Казалось, свет стал ещё ярче. В воздухе пахло озоном, будто в грозу. Лежавшего на своем обычном месте пациента обступили сверкающие приборы, буквально возникшие из земли, сдвинув плитки пола. В его вену вливалась темно-красная жидкость. Щиколотки и запястья были зафиксированы широкими ремнями. К голове крепились электроды.

Не глядя друг на друга, мы оделись и вошли внутрь. Барк-

ли предупредил, что сейчас будет удалять трубки. Это оказалось быстро, чисто и не так отвратительно, как я себе воображала. Доктор ассистировал, я подавала инструменты. Последней извлекли ту, что была в горле. Были некоторые сомнения, но пациент совершенно спокойно начал дышать самостоятельно, даже ритм не изменился.

Врачи торжественно выстроились с обеих сторон от бессознательного тела. Профессор вынул иглу из его вены, вслух назвал время, чтобы ассистент записал, проверил электроды и вложил кусок губчатой резины в его зубы.

— Ну что, давайте будить? Аманда, приготовьте два кубика адреналина и все для реанимации. Пикфорд, ведите запись. Я нажму рубильник с вашего позволения.

Доктор ответил учтивым поклоном. Я промолчала. Не отрывала взгляда от того, за кем ходила все эти дни, к кому успела сильнее чем к кому бы то ни было привязаться, как бы странно это ни звучало. Чтобы подготовить все, что велели, не нужно было смотреть, я помнила, где лежит каждая мелочь. Как и полагалось человеку моей профессии, в критических ситуациях я умела действовать с холодной головой.

Но сейчас почему-то тревожно сжалось сердце. Меня вдруг охватила невыносимая жалость к этому молодому мужчине, напоминавшему живой манекен.

Не умирай. Ты ведь не умрёшь? Пожалуйста...

Баркли дёрнул рычаг.

Обнаженное тело забилося в судорогах, напрягло все

мышцы до единой, выгнулось дугой. Я шагнула ближе, но профессор жестом преградил путь. Ах, да. Электроды. Разряд.

– Выключайте, – скомандовал он Пикфорду. – Аманда, ампулу номер пять. Бегом.

Я не знала, что входит в состав некоторых препаратов, это держалось в тайне. Ампулы помечались номерами, по ним и обозначались в протоколе лечения. Пятая – маленькая, с желтоватой жидкостью. Набрав ее в нужный шприц, ввела в каменное от напряжения плечо, прижала ватой место укола...

И встретила со взглядом широко распахнутых глаз.

Один карий, теплый, бархатный. Второй голубой, как лёд на реке в морозный солнечный день. Кроме дикой, животной паники они ничего не выражали.

Он безумен?

– Пульс? – спросил Баркли.

– Сто двадцать, – так же коротко отозвался Пикфорд.

– Ждём. Аманда, приготовьте успокоительное.

Пациент дышал быстро и прерывисто, вращал глазами, озираясь, и вдруг дернулся, безуспешно пытаясь вырваться. Баркли склонился, занимая его поле зрения.

– Все в порядке. Успокойтесь, мы привязали вас, чтобы случайно себе не повредили. Я ваш врач. Вы меня слышите? Кивните, если слышите.

– Где я? – просипел он с видимым напряжением.

– В своем доме. Вы хорошо меня видите?

– Да.

– Как себя чувствуете?

– Пить.

Профессор кивнул мне, и я осторожно, по капле дала пациенту заранее приготовленную воду. Тот снова на меня посмотрел, настороженно, но более осмысленно.

– Вы свободны, Аманда. Ужинайте сегодня без меня.

– Да, профессор.

С трудом скрывая досаду – выставили вон в самый важный момент! – я поставила воду на столик и направилась к выходу. И услышала, как вслед прошелестел его голос.

– Аманда...

Обернулась, но доктор заслонял его от меня. Проявление любопытства было бы совершенно неуместным. К тому же Баркли бросил на меня быстрый взгляд, без единого слова распорядившись: покиньте нас немедленно. Я подчинилась.

Вернулась наверх, где все вели себя как обычно, будто ничего сверхъестественного не происходило сейчас буквально у них под ногами. Поужинала в компании экономки и фельдшера – с прислугой садиться за стол мне не полагалось. Остаток вечера коротала в библиотеке, невольно ожидая – вдруг вызовут снова.

Не вызвали. Ни в тот вечер, ни в следующие два дня. Профессор и его помощник, по такому случаю поселившийся в нашем доме, часами пропадали в лаборатории. Но когда воз-

вращались, не говорили про своего пациента ни слова.

– Вы скоро увидите его, Аманда. И тогда я расскажу все, что вам нужно знать.

Эти дни я чувствовала себя потерянной. Никому до меня не было дела, и я бесцельно бродила по дому, боясь отлучиться даже на короткую прогулку. Пыталась отвлечься чтением романа, но никак не удавалось погрузиться в сюжет. Греясь у камина, вязала плед – в доме наверняка будет холодно зимой.

Возможно, подарю его нашему пациенту, когда закончу. Если он поправится настолько, что сможет прийти сюда, ведь в лаборатории плед не нужен. Зима ли, лето, день или ночь – там всегда одинаково. Если бы меня надолго там заперли, я бы наверняка лишилась рассудка.

А ночами я вновь видела суматошные странные сны. Мне часто такие снились, те, значение которых никак не получалось растолковать. В противовес унылой промозглой серости, окружавшей меня наяву, они были невероятно яркие, быстрые, словно бегом пробиралась через ярмарку или аттракционы и павильоны уличного цирка. И просыпалась слегка оглушенной, с отзвуками музыки в ушах и разноцветными пятнами, отпечатавшимися на сетчатке глаз.

Шум: голоса, смех, грохот выстрелов – вероятно, салюта. Сверкание чьих-то улыбок и драгоценностей, отражающих электрический свет каменных слез. Разноцветные платья. Глянцевый блеск чего-то красного – краски? Пролитой

крови? – запятнавшего все вокруг. Ласковый шепот...

"Вы сегодня невероятно хороши, Мэнди, моя птичка..."

Проснувшись, я бываю не в силах выудить почти ничего конкретного из мешанины обрывочных видений. И не оставляю надежды, что это моя память пытается достучаться до сознания, а значит, я не утратила ее насовсем.

Баркли же уверен, что это всего лишь причуды уставшего за день мозга. Калейдоскоп из случайно выбранных впечатлений, порождённая воображением химера. Материал для психоанализа, не более. Это не реальные картины из прошлого и тем более не предсказание будущего. Будучи учёным, он скептически относился к вещим снам и прочей мистике.

– Но почему я часто слышу один и тот же голос? – спросила однажды я, пересказав ему очередной сон.

– Этот голос вам знаком? Чей он, как вы думаете?

– Нет, я его не помню. Но он признается мне в любви. Говорит, что я красивая, – из-за того, что я не узнала ни голоса, ни слов, смогла рассуждать об этом без малейшего смущения. Будто не о себе, а о ком-то несуществующем, вроде героев романа. – У меня был возлюбленный?

– Не думаю, что вы обсуждали с лечащим врачом подобные темы, – пряча улыбку, ответил профессор. – Во всяком случае, в ваших документах подобных сведений нет. Но вы не замужем, и никогда не были. Если вы об этом.

Разумеется, не об этом. Любить можно не только закон-

ного супруга, но говорить вслух нельзя. И я прекратила расспросы – в самом деле, ну откуда ему знать, постороннему в общем-то человеку. Посторонним о таком не говорят.

Я садилась перед зеркалом и всматривалась в свое лицо, будто силясь различить признаки чувств, когда-то охватывавших трепетом это тело. Долгое время я испытывала странное ощущение, будто из зеркала глядит не мое отражение, а кто-то чужой. Зато получила уникальную возможность оценить собственную внешность объективно, как бы со стороны.

Возможно ли влюбиться в эту девушку?

Если бы попросили рассказать о моей внешности одним словом, я бы не задумываясь ответила: яркая. Волосы цвета меди, брови и ресницы тоже рыжие, но темнее. Молочно-белая кожа и россыпь чуть заметных веснушек на носу и щеках – летом наверняка их станет больше. Глаза карие, лучистые. Розовые, будто чуть припухшие губы. Достаточно высокая и стройная, возможно узкие кисти и стопы немного великоваты, зато пальцы тонкие, ровные и длинные. Мне здорово идут массивные перстни.

Красавицей в классическом смысле не назовешь, но я несомненно привлекала взгляд. Запоминалась. И вполне могла иметь поклонников, тем более я ведь совсем молода. А работа сестры милосердия этому только способствовала.

Но если я и любила когда-то, та любовь исчезла вместе с памятью. Не оставила после себя и тени. Прислушиваясь к

своему сердцу, я не обнаруживала ни тоски, ни горечи утраты, ни сожалений. Возможно, мне снился искаженный глубинами сознания сюжет прочитанного романа. Я его не помнила, а в подсознании остался. Взамен настоящих эмоций, которые могли бы у меня быть.

8. Реверс

Надпись на табличке возле двери: "Александров Роман Ильич. Психотерапевт, психиатр". Мой лечащий врач на ближайшие... Кстати, заодно и выясню, какой мне дали срок. Взглядом спрашиваю у медсестры – сюда? Она приветливо улыбается (одна из эксклюзивных услуг платных клиник) и кивает.

– Проходите, Марта. Вас ждут.

– Угу, – киваю в ответ.

Без улыбки, в мои-то должностные обязанности она не входит. А искренне радоваться здесь совершенно нечему. Иначе действительно за ненормальную примут.

– Можно? – спрашиваю, заглядывая в приоткрытую дверь.

Первое, что замечаю – кабинет не очень большой, но светлый и уютный. В углу у окна – пышный фикус в мой рост. За столом восседает врач в белом халате нараспашку.

– Конечно. Проходите, – приглашает он, поймав мой взгляд.

Симпатичный. Молодое лицо и седые височки – сколько ему лет, интересно? Кажется, высокий – пока сидит, точно не видно, насколько. Черты лица тонкие, глаза красивые и такие... проникновенные, что ли. Как на иконе. Короткая аккуратно подстриженная борода усиливает сходство. Явно ре-

гулярно посещает барбершоп. Когда подхожу ближе, замечаю, что руки у него тоже ухоженные. Красивые, крупные руки.

А глаза разные. Один каре-зеленый, второй серый. В сером зрачок будто расплылся, принял форму, напоминающую замочную скважину.

– Смелее, Марта. Садитесь, где вам будет удобно.

В просторном кабинете имеются: кресло напротив его стола, ещё одно такое же возле шкафа и та самая кушетка, на которую, если судить по киноштампам, клиенты психотерапевтов ложатся и плачут. Выбираю кресло напротив и сажусь, подобрав под себя ногу.

– Ваши глаза... – вырывается у меня. Замолкаю и морщусь. Он наверняка по десять раз на дню это слышит.

– Гетерохромия, – отвечает невозмутимо. У него приятный, ненавязчиво ласковый голос. И лицо приятное. Открытое, располагающее довериться. – Ну, на что жалуемся?

Что это вдруг сразу жалуемся! Хвастаемся. Столько выпить и не умереть не каждому дано.

– Это случайно не признак химеризма? – включаю я идиотку. Почему-то не хочется выставить себя послушной овцой. А врач против моей воли внушает симпатию. Это бесит. – Возможно, у вас был близнец, которого вы проглотили в материнской утробе.

Смеется. У него мелкие, но белые и ровные зубы. А смех тихий и кажется неискренним. Наверное из-за взгляда, ко-

тором он меня сканирует.

– Интересуетесь медициной?

– Угу. Колледж закончила. Могу на добровольных началах подработать у вас медсестрой.

– Прекрасно! Когда выпишетесь, присылайте резюме, – предлагает он, непонятно, в шутку или всерьез. – А пока давайте обсудим вашу проблему.

– Доктор, меня никто не любит, – заявляю я и жду его реакции.

Роман Ильич молча ждет, что еще скажу. А я рассматриваю его стол. Идеальный порядок, как и во всем кабинете. Кажется, тут у нас фанатичный чистоплюй. Выуживаю конфету из вазочки – стандартные леденцы с разными вкусами. Скомканный фантик бросаю рядом с вазой.

Откидываюсь на спинку кресла, забросив ногу на подлокотник. Демонстрируя ему затянутую в джинсу промежность – жест, выражающий сексуальную агрессию. Я здесь не подопытный кролик. Я клиент и требую обслуживание по высшему уровню, вот.

Леденец оказался малиновым.

– Пытаетесь избежать разговора? – деловито интересуется доктор. Я запихиваю конфету за щеку и пожимаю плечами.

– Да нет наверное. Просто не знаю, о чем говорить. Вы и так должны быть в курсе. Сейчас проверите, адекватная я или не очень, если надо, подкрутите мне гайки и отпустите домой... Кстати, мне так и не сказали, сколько времени будет

продолжаться лечение.

– Смотря как вести себя будете, – улыбается он одними глазами, явно подхватывая заданный мной тон. – Раз вас сюда отправили родственники, наверное, вели вы себя не очень хорошо.

– Я не собиралась самоубиваться, если вы об этом. И никакой депрессии у меня и близко нет. Пока здесь не оказалась, меня все в жизни устраивало.

– Прямо-таки все?

– Ну.

– Тогда что послужило причиной вашей выходки?

– Ну...

Я уже не раз отвечала на этот вопрос. Что ничего толком не помню, что вечером развлекалась в компании подружки, вернулась домой на рогах, дома была одна (не хватало еще вытягивать в этот бред Юльку), а таблетки наверняка приняла случайно, перепутав с аспирином.

А потом меня обнаружил мой парень. Мы не собирались в тот вечер встречаться, но он зачем-то приехал среди ночи. Открыл своим ключом, не смог меня добудиться, почувствовал неладное и вызвал скорую... Пустые пузырьки из-под лекарств позже тетя Валя в аптечке нашла.

Дэнчик приезжал меня навестить в той, предыдущей больнице, и мы поругались. Говорил, что я отбитая. И что меня нельзя ни на день без присмотра оставить. А потом явилась тетя Валя, зачем-то на него наорала и заявила, что он на

меня плохо влияет. Что мы должны заниматься учебой, а не всякими глупостями. В итоге мы все рассорились напрочь. Он до сих пор не пишет.

Обо всем этом я послушно рассказываю, кроме подробностей ссоры с Денисом, конечно. А Роман слушает, не перебивая. Дослушав, повторяет вопрос: зачем напивалась, почему храню дома лекарства, которые давно не должна была принимать.

– На всякий случай, не выбрасывать же. А это... Зачем, по-вашему, люди напиваются? Чтобы весело было!

– Вы хоть понимаете, что это незрелые рассуждения?

– Так я и есть подросток.

– Вам девятнадцать, Марта. Вы взрослая девушка. А подросткам тем более не положено употреблять алкоголь, – возражает доктор.

Он по-прежнему доброжелателен, сдержан и спокоен как удав. Наверняка и не таких видал. Немедленно возникает навязчивое желание отличиться, но я давлю его в зародыше. Не время творить дичь. И не место.

– «-надцать» же. Подросток и есть. Тинейджер. Когда еще что-то такое вытворять, не в старости ведь. Насколько я знаю, за пьяные выходки в дурку не закрывают, иначе полстраны бы в ней сидело.

Я гоняю во рту леденец, и он клацает о зубы. Обожаю их, в детстве не давали, чтобы кариеса не было. Сейчас иногда грызу в охоточку, зубы пока в порядке. То было очередное

вранье, а на самом деле и зубы не испортятся, и она не слипнется.

– Мы здесь стараемся избегать подобных слов. У нас клиника, и уж тем более принудительно в ней никого не закрывают. Надеюсь, вы подписали документы добровольно и с полным осознанием своих действий.

– Да, я все внимательно прочитала. В том числе о том, что в восемь вечера нас тут так запирают.

– Всего лишь режим, – он не выдерживает, подбирает фантик и отправляет в урну под столом. – Как и в любом учреждении. Наш может показаться излишне строгим...

– Ещё бы, – вставляю я, но он продолжает.

–...но это оправдано, чтобы, к примеру, не разыскивать каждого участника группы по территории перед началом терапии. К тому же удобно, сами убедитесь. Некоторым пациентам, задержавшимся в таких условиях надолго, потом трудно привыкать к жизни, где нет строго установленного порядка, – он смотрит мне в глаза и улыбается. – Впрочем, вам это вряд ли грозит.

– То есть всё-таки я здесь ненадолго?

– Буду честным: я бы рекомендовал вам пройти курс психотерапии, – выдает он. – И вовсе не из-за случая, в результате которого вы здесь оказались. С этим как раз мы довольно быстро справимся, ничего страшного я не вижу. Понаблюдаем, пройдем курс легкого фармакологического лечения для снятия тревожности...

– То есть после того как я наглоталась таблеток, вы будете лечить меня таблетками?

– У вас была причина так поступить, и вместе мы ее выясним. Но прежде меня интересует другое. Я ознакомился с записями вашего лечащего врача и хотел бы побольше узнать о ваших фантазиях. Тех, которые некоторое время назад считали реальностью.

Начинается. Все же вроде давно договорились, что эти истории – плод моего неумемного воображения. Я даже переросла тот период, когда верила, будто во мне проснулись воспоминания о прошлой жизни. Мне вообще за них до сих пор неловко, а я типа в депрессии, зачем опять...

– Вам незачем этого стыдиться. Более того, я опасаясь, что оказанное на вас в детстве давление могло вызвать негативные последствия. Скажите, вы помните все те истории?

Хотела бы я забыть. Скорее, какие-то события реальной жизни вылетели из головы, особенно те, что в детстве были. А это...

– Да, я помню. – Нервно перекаत्याю леденец. Клац. – Но прекрасно понимаю, что все тогда выдумала.

– И все же мне интересно послушать. Ваша придуманная личность могла быть попыткой пережить то, чего вам остро не хватало в реальности. Бегством в воображаемый мир.

– Если честно, мир был так себе. Скорее мне бы захотелось сбежать оттуда.

– Тогда ваше альтер эго обладало качествами, которыми

вы хотели бы обладать. Например, храбростью. Или красотой. Вы вроде бы придумывали ей даже романтические отношения? Она совершала героические поступки и встретила своего принца. Какой она была?

Я задумываюсь, воскрешая образ, который долгие годы старалась выбросить из головы. Что в нем такого было, чего не хватает мне самой? Уж точно не красота. Я всегда была хорошеньким ребенком. Со льняными локонами, голубыми глазищами и длинными темными ресницами, которые вечно подворачивались в глаза из-за того что прямые.

Да и сейчас ничего. Грех жаловаться, что на лицо, что на фигуру. Дэн клянется, что у меня самые красивые ноги в городе...

Однако я слишком долго молчу.

– Она была рыжая, высокая и худенькая. Нос в веснушках. Довольно симпатичная, но не сказать чтоб прям красавица. Никаких особых подвигов не совершала, разве что работала в военном госпитале. Я бы на такое вряд ли решилась, работёнка жуть. Хотя у них тогда было так принято и даже почётно.

– У кого – у них?

– У патриотов. Шла война, что-то вроде нашей Первой мировой. Даже одна из принцесс вместе со своими фрейлинами работала в госпитале... Кстати, я потом прочитала о чем-то подобном. И один из принцев воевал, во флоте, кажется. В Англии. Моя воображаемая страна вообще похожа

на Англию. Видимо, посмотрела какой-нибудь исторический фильм в детстве и он меня впечатлил.

Я долго пыталась найти фильм с похожим сюжетом или героями. Без особого успеха. Об этом решаю не говорить. И вообще ни о чем, кроме того, что прямо спросит.

– Интересовались историей?

– Да так... Как все дети, то одним, то другим.

– А ваш выбор профессии – чем он обусловлен?

Было бы глупо не получить образование соответственно тому, что я уже умею. Пожалуй, это единственный момент, которому так и не нашлось объяснения. Так что не стоит сейчас заострять на нем внимание.

– Я с детства мечтала стать врачом. Решила сначала окончить колледж, чтобы время не терять.

– Что заканчивала ваша воображаемая личность?

– Курсы сестер милосердия при Королевском военном госпитале, – слишком точная подробность для фантазии ребенка, но она наверняка есть в тех записях, которые он читал. Глупо теперь умалчивать.

– Как ее звали?

– Аманда. Аманда Риз.

9. Аверс

– Аманда.

Он подкараулил меня в темном коридоре, отчего я вздрогнула и едва не вскрикнула. Сутулый, как всегда донельзя серьезный, с этим своим пристальным взглядом из-под кустистых бровей, от которого хотелось укрыться. Сам факт того, что Пикфорд ко мне обратился, вызвал тревогу. Он жестом велел идти с ним и открыл дверь в одну из пустующих гостевых комнат. Шагнул ближе и схватил за руку, когда я потянулась, чтобы зажечь свет.

– Что вам угодно? – спросила нарочито бодрым голосом.

– Тише. Слушайте внимательно и сохраните наш разговор в тайне. Мы оба очень рискуем сейчас. Вы меня поняли?

Я кивнула. Он отпустил мою руку и сразу же вложил в ладонь какой-то предмет, наощупь похожий на маленькую деревянную коробочку. Разглядеть его не позволил.

– Спрячьте. Так надежно, как если бы от этого зависела ваша жизнь. Если я исчезну, передайте это Алистеру и скажите следующее: библиотека, жизнеописания Аурелиуса Блаженного, второй том. Сами не вздумайте в это лезть, иначе все погубите, в том числе и себя.

– Прошу прощения, но я не знаю никого по имени Алистер... – пролепетала я, послушно убирая коробочку в карман платья.

– Поймете, когда придет время, сейчас просто запомните. Повторите.

– Библиотека. Второй том жизнеописаний Аурелиуса Блаженного. Алистер... Но почему я должна вам помогать, да еще в тайне от своего нанимателя?

– Догадливая девочка, – скривился он в ухмылке, искажившей и без того неприятное, какое-то звериное даже лицо. – Вы не субъект, а объект, вот и все, что я могу вам сказать. Если кто и способен вам помочь, так это Алистер. А вы поможете ему. Вам это ничего не будет стоить, просто сделайте то, что я велю. Вы ведь сделаете?

Я ничего не собиралась делать не разобравшись. Но отказаться было страшно. Что за человек этот Пикфорд и что у него на уме? В случае чего мне совершенно не к кому обратиться за помощью.

– Да, доктор. Я сделаю. А теперь позвольте мне идти.

– Поклянитесь, – велел он. Повисло молчание. – Ладно. Признаю, что требую от вас слишком многого. Поклянитесь хотя бы держать все в секрете, пока не поймете, что к чему.

– Клянусь, – поспешно ответила я, не видя в том ничего предосудительного. По крайней мере, мне предоставлялась некая свобода воли.

– Спасибо и на том. Ступайте. Нас не должны видеть вместе. И не забывайте – вам доверена очень важная истина. Не позволяйте скрыть ее навеки.

Выскользнув из комнаты, я поспешила прочь. К счастью,

никого по пути не встретив, иначе по моему взбудораженному виду наверняка что-то заподозрили бы. Зашла к себе, заперлась на засов, и только тогда, в свете настольной лампы, решилась взглянуть на один из секретов, спрятанных в особняке.

Вернее, ключ от секрета. В простенькой коробочке, целиком уместившейся в мой сжатый кулак, хранился именно этот предмет. Маленький латунный ключик с декоративной головкой из завитушек. Такой красивый и блестящий, что его можно было бы носить как кулон. Больше внутри ничего не обнаружилось, приложением к ключу должны были стать мои слова.

Алистер... Кто же такой этот загадочный Алистер, и почему доктор Пикфорд столь уверен, что я непременно с ним встречусь? Не покидало ощущение, что нелюдимый тип доверился мне от безысходности, предчувствуя некую опасность. Но что же за тайна, которую ему больше некому доверить...

Полночи промаявшись от тревожных мыслей, я решила ничего не предпринимать до тех пор, пока что-нибудь не прояснится. Спрятала ключ за внутренней лентой летней шляпки – вряд ли кто-то додумается туда заглянуть, даже если станет рыться в моих вещах. Коробочку завернула в атласный лоскуток, с намерением завтра ее обшить.

Наверное, стороннему наблюдателю такие ухищрения показались бы чрезмерными и даже смешными, но в тот мо-

мент я действительно боялась. Темная безлунная ночь, завывания ветра в трубе и одиночество способствовали этому. К счастью, приняв решение, я немного успокоилась и наконец забылась спасительным сном.

Утром страхи развеялись, и я сама над собой готова была посмеяться. Но решению не изменила – будь что будет, тайну я сохраняю. А вскоре мне просто некогда стало о ней думать, внимания потребовали гораздо более срочные дела.

Профессор Баркли наконец-то вспомнил о моем существовании и пригласил к себе в кабинет до завтрака, как делал до пробуждения своего пациента. Но вместо обычной в таких случаях беседы кратко справился о моем самочувствии и предупредил, что отныне мне поручаются обязанности сиделки, а позже и компаньонки.

– Как вы понимаете, вам достался весьма необычный пациент. В некотором смысле у вас похожее состояние: он тоже лишен воспоминаний о прошлом. Однако в его случае все намного серьезней. Он почти как чистый лист, и знания его об окружающем мире не больше, чем знания пятилетнего ребенка, воспитывавшегося в строгой изоляции от общества. При этом его умственные способности феноменальны, а быстрота, с которой его мозг усваивает информацию, не имеет аналогов.

– Значит ли это, что его рассудок здоров? – задала я наиболее волновавший в практическом смысле вопрос. Неизвестно, доводилось ли мне иметь дело с сумасшедшими, но

в том, что не сумею усмирить буйного, я не сомневалась.

– Есть некоторые последствия нервного потрясения, но весьма незначительные. В прошлом вам приходилось справляться с гораздо худшими. Наш парень спокоен, чуток, добродушен, весьма неотесан, но пусть вас это не смутит. От вас он должен чувствовать заботу и участие, для дальнейшего восстановления ему это важно. Надеюсь, вы готовы приступить?

– Разумеется. Уверена, с обязанностями сиделки я справлюсь, – кивнула, ощутив искреннее сочувствие. Как он, наверное, одинок и растерян в этом своем подземном аквариуме! – Долго ли ему еще оставаться внизу?

– До тех пор, пока не окрепнет настолько, что сумеет преодолеть путь на поверхность самостоятельно. А пока вы будете его навещать. Для начала разделите с ним завтрак, все уже собрали. Заодно и познакомитесь.

– Хорошо. Но скажите хотя бы, как его имя?

– Алистер.

Сердце подпрыгнуло к горлу. Я опустила ресницы, изо всех сил сохраняя равнодушное выражение лица. В чем бы ни заключалась доверенная мне тайна, правильно ли поступаю, умалчивая обо всем, я пока не знала. Но догадывалась, что нельзя выдавать смятение.

– Благодарю, профессор. Могу я идти?

– Идите. Навестите нашего друга, а когда вернетесь, получите подробные указания. Время вашего общения не огра-

ничено, побудьте с ним, пока немного не успокоится.

Разумеется, я не собиралась ничего говорить тому, кто оказался Алистером, тем более что доктор Пикфорд никуда не делся и вообще вел себя так, словно ничего не произошло. К тому же сейчас был бы совершенно неподходящий момент: пациент и себя-то, судя по всему, не успел осмыслить. А за мной наверняка наблюдали.

Взяв корзину для пикника, я отправилась завтракать в неожиданной компании. Снова одна – почему-то профессор не желал, чтобы кто-то присутствовал при нашем знакомстве. Возможно, этому стоило удивляться, но для удивления мне и без того хватало поводов. Я торопилась, подгоняемая волнением и опасением, как бы завтрак не остыл. Хуже нет, чем пить с утра остывший кофе. Но чем ближе подходила, тем сильнее замедляла шаг. Одолевал хоть и не страх, но вполне разумные тревожные мысли. Как он меня встретит? О чем с ним говорить?

Тревоги оказались напрасны. Едва завидев меня, пациент слез с кушетки, на которой полулежал, листая журнал, осторожно, будто ноги не держали, встал и в три неуверенных, медленных шага преодолел расстояние до стеклянной стены. Опёрся на нее ладонями и улыбнулся.

Я непроизвольно улыбнулась в ответ. Его движения напоминали движения новорожденного жеребёнка, ещё слабого, толком не владеющего собственным телом. Улыбка светилась радостью, искренней и немного робкой. Не от недо-

верия, скорее от смущения. Худой – больничная пижама висела на широких плечах, с отросшими взъерошенными волосами и этими удивительными разными глазами он казался очаровательным и совершенно безопасным. Даже стыдно стало, что боялась его.

Обе двери в "аквариум" теперь были открыты настежь. Походя я отметила, что это хорошо: пациенту ещё не до прогулок, зато не чувствует себя пленником в изолированной от мира стеклянной камере. Пусть на самом деле так оно и есть, ведь внешняя дверь запиралась по-прежнему.

– Доброе утро, Алистер, – поздоровались я, проходя и ставя корзину. – Я Аманда, ваша сиделка. Вас, должно быть, предупредили, что я приду.

Я помнила, как он смотрел на меня, когда очнулся, и как повторил мое имя. Но вряд он что-то запомнил.

– А я вас знаю, – немедленно опроверг он эту мысль. – Вернее, ваш голос. И ваши рыжие волосы... – он поморщился, будто напряжённо пытаюсь вспомнить. – Но лицо почему-то незнакомо...

– Не стану томить вас загадками, – рассмеялась я, настолько мила была эта гримаса. Тот, кого привыкла видеть бездыханным, ожил. Что это, если не чудо! – Пока вы находились без сознания, я помогала ухаживать за вами. А когда очнулись, была здесь, ассистировала докторам... Ох, простите! Я ведь принесла завтрак. Вы не против, если мы позавтракали вместе?

– Как я могу быть против! Я успел проголодаться... Да что там, сказать по правде, у меня чудовищный аппетит, – он усмехнулся и пододвинул для меня стул. Лёгкий, но даже это действие давалось ему с видимыми усилиями. – И хочется вас лучше узнать.

– У вас для этого будет столько времени, что успею надоесть.

– Надоесть? – повторил он с сомнением и некоторое время молчал, наблюдая, как я достаю все из корзины.

Было странно накрывать скатертью тот металлический столик на колесах, на котором всего несколько дней назад я раскладывала медицинские инструменты. Расставлять на нем тарелки, наливать в фарфоровые чашки с золотой каемкой кофе и сливки. Этот островок домашнего уюта выглядел здесь совершенно неуместно. Но мне хотелось сделать для Алистера хоть что-то, чтобы скрасить его существование.

– Вы разговаривали со мной... Раньше? – спросил он, когда я закончила, и мы принялись за еду.

– Разговаривала. Меня уверяли, что в этом нет смысла, но все равно... А вы, значит, слышали?

– Слышал, но увы – не понимал. Боюсь, вам придется рассказывать все заново. Но я помню ваш голос. И ощущение, когда вы здесь... Не знаю, как объяснить. Не-одиночество.

– Вам одиноко?

– Бывает что да. Почему вы спросили так сочувственно? Разве это плохо?

– Большинство людей от этого страдают.

Он отправил в рот последний кусочек тоста с добрым слоем джема, прищурился от удовольствия и прожевал. И немедленно принялся намазывать ещё один.

– Я не страдаю. Но и когда вы здесь, мне тоже нравится.

Простодушный – так, кажется, его Баркли назвал? Если от его памяти осталось ещё меньше, чем от моей, возможно, он забыл, что нельзя быть откровенным с каждым встречным. Разучился лицемерить. Тогда его и впрямь нельзя выпускать в большой мир.

– Вы что-нибудь еще помните? – не удержалась от вопроса.

– Только с тех пор как очнулся в этой комнате три дня назад.

– Знаете, кем вы были до этого?

– Ох, неужели и вы начнёте мучить меня все теми же вопросами? Я ответил на них профессору, можете спросить у него. А мне лучше расскажите что-нибудь. Если никуда не торопитесь, конечно.

– Я не лучший собеседник.

– Отчего так?

– Я знаю немногим больше вашего, – призналась я и рассказала о своей амнезии.

Что не помню ничего до того момента как приехала в этот дом. Что не помню даже, когда именно сюда приехала. Разноцветные глаза смотрели с сочувствием.

– Вот как... Впрочем, неудивительно. Очевидно, мы оба сюда и попали по этой причине. Тогда расскажите о доме. Что там, снаружи? Кто живёт в особняке?

Я послушалась – вообще, нам можно было говорить о чем угодно, никто не обозначил запретных тем. На словах проделала весь путь отсюда, провела Алистера по этажам, начиная с кухни, где пахло свежесвеженным хлебом и стояла тишина: завтрак подан, готовить обед не начинали. Затем в столовую (про комнаты слуг упоминать не стала, вряд ли это ему интересно), где сейчас, должно быть, прибирали после трапезы хозяев. На веранду, выходящую в сад и пустующую до весны. Через анфиладу комнат и бальный зал с натертым до блеска паркетом – в библиотеку.

– У профессора множество книг, от научных трудов до жизнеописаний святых, – отметила, украдкой наблюдая за реакцией. Он ничего не понял, конечно.

Я говорила и говорила, а он слушал. Внимательно, но при этом постоянно перебивал, уточнял всякие вроде бы мелочи, задавал вопросы. Я никогда так много не говорила с тех пор как себя помнила и даже немного устала с непривычки. Завтрак давно был съеден, но мне разрешили не торопиться. И я не торопилась до тех пор, пока не возникло опасение, что могу утомить его. Неизвестно, насколько чувствительна сейчас его нервная система.

– Мне пора, Алистер. А вы отдыхайте. Позже обязательно к вам загляну, если не возражаете.

– Я буду ждать. Приходите, Аманда. С вами приятно общаться, пусть вы почти ничего и не знаете.

10. Реверс

После беседы с Романом Александровичем меня потащили на обследование. Взвешивали, измеряли, брали кровь. Велели заполнить опросник на несколько страниц – о возможных заболеваниях и физических симптомах. Я даже немного поднапряглась – что это они тут со мной собираются делать? Никогда бы не подумала, что психов обследуют не хуже космонавтов.

В итоге с соседями знакомлюсь только за ужином, когда у меня заканчивается беготня по врачам, а у них терапия. Столовая здесь общая, отдельный павильон в глубине территории. Чтобы попасть непосредственно в помещение, где едят, прохожу через просторный зал с составленными друг на друга стульями и огромным, нет – гигантским экраном на стене. Не как в настоящем кинотеатре, но все же.

Вот значит где им кино включают с семи до девяти. Неплохо. Замечаю столики с шахматными досками, книги и яркие коробки в шкафу. Они ещё и в настолки играют! Воображаю себе...

– Привет, – раздается незнакомый мужской голос прямо за спиной.

Не знаю как мне удалось не заорать и не всечь ему с перепуга. Отшатнувшись, вижу невысокого коренастого парнишку на вид не старше меня. Стоит, сунув руки в карманы, и

смотрит. Без улыбки, но и не строго. С любопытством.

– А ты всегда вот так со спины подкрадываешься? – огрызаюсь, и не думая корчить приветливое лицо.

Он мне с первого взгляда не нравится. Ни внешне – лицо эдакого деревенского простачка, дурацкая стрижка и нос картошкой. Ни вообще, что гораздо, гораздо хуже, к внешности хоть привыкнуть можно. А первое впечатление никогда не подводит, кто бы что по этому поводу не триндел.

– Новенькая? – спрашивает, будто не слышит моих претензий.

Продолжая на меня пялиться, изучающе так. В ответ тоже пару секунд его разглядываю. Пытаясь понять, насколько он ненормальный. Вроде ничего такого. Взгляд вменяемый, рожи не корчит.

– Я Игорь, – объявляет, так и не дождавшись ответа.

– Марта.

Мимо нас проходят две женщины. Косятся, одна что-то шепчет другой на ухо, держа ее под руку. Та оглядывается, прежде чем исчезнуть за дверью.

– Дай угадаю: в марте родилась? – решает он проявить остроумие.

Самое противное, что он прав. В марте. Что и натолкнуло папулю на эту дурацкую идею с именем. Денис вечно шутит: скажи спасибо, что не в каком-нибудь "-бре". А то была бы Ноябрьриной...

– Ничего себе, ты догадливый.

– Жаль что не в апреле. Была бы Эйприл, как в черепашках ниндзя.

До таких пучин деградации Дэнчик всё-таки не опускался.

– И остроумный! – отвечаю ехидно. Его не задевает. Как стоял так и стоит, любитесь. Чурбан с глазами. – Но я есть хочу. Извини.

Решительно отворачиваюсь и иду к двери. Он плетется следом. Все так же бесшумно, но я чувствую, что он за спиной. Учитывая ситуацию, ощущение так себе.

Он же не опасен, правда же? Все они, кто сидят за столами и с интересом на меня глядят. Буйных ведь здесь свободно разгуливать не выпускают?

– Зря ты так. Тут из молодых я, ты, Аня с Маринкой и Андрей, но он пока не освоился. Ну и Олеся ещё... была, – он внезапно замолкает.

Не выдерживаю, смотрю через плечо. Ловлю растерянный и какой-то виноватый взгляд. Словно о чем-то, о чем не положено говорить, упомянул.

Краем глаза замечаю движение. Марина, сменившая порсячью пижаму на свободный костюм другого оттенка розового изо всех сил машет мне рукой. За ее столом ещё одна девчонка, видимо, та самая Аня, и тетка средних лет, яркая как попугай.

Пожимаю плечами и тащусь в их сторону. Столы здесь на четыре места, одно как раз свободно. Все уже накрыто. Меня

ждёт салат из капусты с морковкой и компот.

– Сегодня клюквенный морс, – предупреждает Марина, глядя, как я с сомнением ковыряю салат вилкой. – Он у них вкусный, попробуй. Да тут вообще норм кормят... Девочки, это Марта, наша новая соседка.

– Очень приятно наконец познакомиться, Марточка, – с улыбкой щебечет тетка. – Меня зовут Лена. Мы с тобой соседи, и на группу будем ходить вместе, я узнавала. Повезло мне, вокруг молодежь. С молодежью сама молодеешь.

Она смеётся, но движется при этом только рот. Остальное, похоже, обколото ботоксом. Выглядит как-то... Нет, я в ее возрасте предпочту морщины. И если начну вот так поклоунски под девочку косить – лучше пристрелите меня, пожалуйста.

Одета Лена в облегающие штаны из материала под кожу и блузку без рукавов цвета фуксии. В ушах длинные серьги с топазами. Тщательно зачесанные вверх волосы розовые на концах. Вся она кричаще яркая и блестящая.

– Взаимно, – вру я. Перевожу взгляд на третью соседку, и та немедленно отводит глаза. – А ты, наверное, Аня?

Судя по волосам, выкрашенным в невнятный линяло рыжий, именно ее я видела спящей в комнате Марины в тихий час. Худая, довольно высокая, вся какая-то нескладная. Лицо вроде симпатичное, глаза темные, широкие скулы. Но в нем словно чего-то не хватает, красивым не назовешь. Может, слишком жёсткая линия тонких губ? Когда не улыбает-

ся, кажется, что она злая.

Но сейчас она улыбается. Кивает. Рассматривает меня и говорит:

– Ты и вправду симпатичная. И джинсы твои хорошо сидят. Где заказала?

Будто через силу. Наверняка когда Марина обо мне им рассказывала, упомянула, что я красивая.

Называю марку своих штанов, не от кутюр, конечно, но известный приличный бренд. Я всегда их джинсы беру, когда деньги есть. Сидят действительно хорошо.

– М, понятно, – в голосе проскальзывает зависть. – И почём?

Озвучиваю цену.

– Сколько?! – она косится на мои ноги с неприязнью. – Не, я столько за обычные джинсы не готова отдавать.

Ну и не отдавай, мне-то что. Завидуешь – завидуй молча. Терпеть не могу вот таких завистливых. Понятно, что я для нее мажорка, да ещё и объективно красивей. Наверняка уже сочинила себе в утешение, что зато я стерва и дура набитая.

Молча пожимаю плечами и отхлебываю морс. И правда неплохо, не пересластили. Принимаюсь за салат. Мне такой не особо нравится, но зато можно избежать дальнейшего разговора.

– Ой, девочки, я одно время тоже из джинсы не вылезала. Но сейчас что-то отвыкла, даже не вспомню, есть у меня в шкафу хоть одни или нет, – разряжает обстановку Лена.

Мы болтаем о шмотках, доедая салаты. Приносят второе – пюре и бефстроганов. Все такое вкусное, что съедаю до крошки. Даже соус с тарелки не постеснялась хлебом подобрать. Раз уж очутилась в дурдоме, с этикетом можно не заморачиваться.

– Я смотрю, ты успела кое с кем познакомиться, – многозначительно хихикает Марина и смотрит мне за спину.

Оборачиваюсь и вижу Игорька, опять наблюдающего за мной со своего места. Он нисколько не смущается, что я заметила. Наоборот, улыбается и машет.

– Да так... У вас тут, как я понимаю, своя тусовка.

– А ты не знаешь, кто он?

– А должна?

Оказывается, Игорёк сыночек какого-то депутата. Ну и вообще его семейка не из бедных. С чего Маринка решила, что я должна его знать – непонятно. И фамилия ни о чем не говорит. Отец наверняка знал, его настоящие дети, с которыми семьёй жили, возможно, тоже. Возможно, даже дружили с этим Игорем в детстве.

– И с чем он сюда загремел? Алкоголь? Наркотики? Шиза?

– Второе, – понизив голос, сообщает Лена. – Но он не из этих, знаешь... Наркоманов. Пристрастился к каким-то таблеткам. Но в целом он хороший мальчик.

– Понимаю. С кем не бывает.

– Ты ведь вроде тоже с похожей проблемой, – подаёт голос

Аня. Кажется, приступ зависти прошел. Или поела и немного отпустило. – Странно, почему тогда тебя в нашу группу записали.

– Ты что, не понимаешь? Ее же в комнату Олеси поселили... – загадочным тоном начинает Марина, но Лена перебивает ее.

– Не говорите глупостей, девочки, Марта тут не поэтому. Что я, не вижу что ли? Никакая она не алкоголичка, правда, Марта?

– Если честно, все случилось потому что я напилась, и...

Аня закатывает глаза. Ничего кроме цены моих штанов не интересно. Ну простите. Я так-то никому не навязываюсь.

– Об этом ты нам потом расскажешь, на терапии, – объясняет Лена. – Так что сейчас можешь не напрягаться, иначе придется два раза повторять.

– А если я не хочу? Рассказывать, в смысле.

– Что ты! – взмахивает она руками. – Надо. А сейчас пора идти, время.

Не поняла, в чем смысл торопиться. Все равно после ужина в расписании свободное время. Пока они возятся у себя в комнатах, я технично сбегая, чтобы хоть немного побыть одной. В корпусе с любопытными соседками и дверями без замка это невозможно даже в одиночной палате.

Решаю прогуляться в соснах, пока не стемнело. Погода так себе. Небо сплошь затянуло, в холодном воздухе висит мелкая морось. Но зато никого не встречу, многие так и оста-

лись после ужина в настолки играть. А у меня плотная куртка с капюшоном, не промокну.

Я бреду по дорожке, не особо выбирая направление. Все равно рано или поздно в забор упрусь. Дышу свежим воздухом с запахом смолы. Думаю над своим поведением. Дорожки ровные, тут и там спящие пока фонари – гуляй хоть целые сутки. Если бы корпуса на ночь не закрывали...

Корпусов, в смысле, жилых, здесь три. Отдельно мужской и женский. Третий, белый, стоит поодаль. Закрытый стационар с палатами особого режима. Ни соседки, ни персонал не уточнили, кто там лежит, но я и не спрашивала. И так понятно.

Я с чего вдруг о нем подумала – тропинка привела. Вот оно, логово настоящих психов. С виду и не скажешь, дом как дом. Почти как наши, только больше. И вокруг никто не шатается, и веранда обнесена хоть и декоративной, но решеткой.

Засмотревшись, замедляю шаг, а потом совсем останавливаюсь. Невольно прислушиваюсь, сама не понимая, что ожидаю услышать. Жуткие вопли? Безумный смех?

Тупо. Одергиваю себя и шагаю дальше. Но когда прохожу мимо последнего окна первого этажа, изнутри в стекло ударяют ладони.

Вот теперь замираю, не в силах отвернуться. Вижу ту, что смотрит на меня из комнаты. Вроде не монстр из фильмов ужасов выскочил, обычная девушка. Но у меня волосы ды-

бом встали. Серьезно, я не шучу.

Она в больничном халате, длинные волосы висят сальными прядями. Неестественно худая – голодом ее морят что ли? Вокруг глаз катастрофически темные круги. Вот что меня напугало. Пока не присмотреться, кажется, что это глаза такие огромные, как у лемура. В сочетании с треугольным лицом похоже на пришельца, какими их в комиксах рисуют.

Внезапно наваждение проходит: она совершенно по-человечески жестом зовёт подойти и тянется, чтобы открыть форточку.

Та не поддается. Девушка нервно дёргает ручку, стучит кулаком по раме, а я стою, растерявшись, и не знаю, как лучше поступить. Уйти, чтобы она не разбуянилась ещё больше. Или подождать, чтобы хоть кивнуть на прощание.

Психическая решает за меня. В последний раз от души врезав по раме, она беззвучно шевелит губами и скрывается в глубине комнаты. А я поворачиваю в сторону своего корпуса, пообещав себе впредь обходить это место по дуге.

11. Аверс

Прошла неделя с тех пор как Алистер очнулся. Его восстановление происходило невероятно быстро. И если физическое ещё можно было объяснить его исключительным здоровьем, молодостью и нашей непрестанной заботой о нем, то ментальное казалось чем-то фантастичным. Я снова то и дело задумывалась: человек ли он.

Его стеклянная комната утратила свой порядок и стерильную чистоту. Теперь в ней было не протолкнуться. Две стены, которые можно было загромоздить без ущерба за спрятанного возле них хитрого оборудования, полностью скрылись за стеллажами. На других висела карта и учебный плакат с человеком без кожи, с отрешенным лицом демонстрировавшим свои внутренности. В углу стоял скелет, явно настоящий. Взамен металлического столика на колесах появился узкий письменный стол.

Все было завалено книгами, журналами, исписанными от руки тетрадями, листками с заметками, которые он делал сам. Нашлось место даже для газет, скромной стопкой сложенных на полке. По этой стопке (штук пять, если не меньше) посторонний наблюдатель мог бы судить, какое место среди интересов Алистера занимают сплетни, политика и общественная жизнь.

Когда я принесла обед, он лежал на собранной постели и

читал. Он всегда читал, когда бы я ни приходила, иногда ещё что-то записывал. Даже когда знал, что с минуты на минуту появлюсь, соблюдая расписание. Будто не желал тратить даром ни одну из своих минут.

– Если бы студенты наших институтов обладали хотя бы десятой долей вашего рвения в учебе, сколько величайших открытий они бы совершили! – улыбнулась я, входя в "аквариум" и ловя его взгляд.

Словно два разных человека смотрят. Карий глаз ласковый, кажется, в глубине его прятался солнечный свет, которого Алистер ещё ни разу не видел. Голубой глядит как в прицел. Холодный. Ясный.

– И все эти открытия были бы в области военного дела, так? – он слегка нахмурился, будто тень по лицу пробежала.

– Почему вы так думаете?

Стол был разобран к моему приходу, стопка бумаг, письменный прибор и чернильница сдвинуты в угол. Я бы предпочла, если бы он вообще все убрал, чтобы накрыть стол похрустывающей от крахмала свежей скатертью и превратить из рабочего в обеденный. Но не считала правильным нарушать заведённый не мною порядок. Расстелила салфетки и принялась расставлять то, что было в корзине.

– Подозреваю, во внешнем мире все вокруг нее крутится. Все для фронта, а о другом нельзя и говорить до победы, – он кивнул туда, где на полке лежали газеты. – В рекламных объявлениях благотворительные сборы. В разделе культуры

– рассказы об опасных гастролях артистов на линиях фронта. Я уже не говорю о новостях... – он осекся и посмотрел виновато. – Простите. Не хотел задеть ваши чувства. Я до сих пор не ощущаю свою причастность... К чему бы то ни было, что происходит в обществе.

– Так же как и я ее не ощущаю. И вряд ли смогу стать вам достойным собеседником. Все, на что гожусь – светская болтовня ни о чем. Вы ешьте, Алистер, мы ведь никуда не торопимся. Успеем наговориться. А вам надо хорошо питаться, набирать вес.

Аппетит у него был уже не таким зверским, как в первые три дня. И выглядел он вполне здоровым, но все равно слишком худым. Допустим, мышечная масса так быстро не нарастает, да и сколь-нибудь значимой нагрузки тело не получало, но он не прибавил ни капли жира, несмотря на обилие сытной пищи. Должно быть, по природе не был склонен к полноте.

– Если я стану толстым, неповоротливым и одышливым, вы точно не согласитесь отправиться со мной на прогулку, – сверкнув глазами, улыбнулся он. А я невольно залюбовалась тем, как шкодливый огонек во взгляде преображает его, как ему идёт улыбка.

С тех пор как это открытое, чистое лицо с правильными чертами обрело эмоции, я готова была смотреть на него не отрываясь. Алистер выражал их свободно, но с той сдержанностью, которая отличает человека уверенного в себе, наделен-

ного достоинством и внутренней силой.

И с каким же уважением и вниманием относился он к чувствам других! В силу абсолютного отсутствия жизненного опыта, он не рвался рассуждать о них или давать советы. Но деликатно, всякий раз ссылаясь на ту самую неопытность, старался узнать, почему я переменялась, и не его ли поведение тому причиной.

– Не волнуйтесь, моего согласия и не требуется. Пока вы нуждаетесь в сиделке, я буду сопровождать вас везде, где необходимо, заботиться о вас и терпеть все ваши капризы, – изобразила я строгий тон. – Не стесняйтесь, это входит в мои обязанности.

– Значит, вы мой платный друг? – рассмеялся он. – Надеюсь, я или мои благодетели располагают достаточными средствами, и я ещё долго смогу вас себе позволить.

Так, перебрасываясь шутливыми фразами, мы закончили обед. Ели мы тогда не просто досыта, но и с изысками, благо, перебоев с провизией не было, а дороговизна хозяев особнячка не пугала. Доставляли и кофе вдоволь, и хороший чай, и деликатесы. Не было нужды в свежей рыбе. А сегодня нам привезли устриц. Алистер пробовал их в первый раз, и я учила его есть их с подобающим джентльмену изяществом. У него быстро получилось. Возможно, раньше умел.

– Вам знаком этот вкус? – спросила, не без удовольствия наблюдая, как он наслаждается изысканным дополнением к трапезе.

– Нет. Как и большинство остальных. Но некоторые знакомы. Маринованные яйца. Овсянка. Кофе и шоколад. Запах говяжьего бульона, когда он варится.

– Надо же. А я вкусы и запахи хорошо помню. Могу с точностью сказать, пробовала то или иное или нет. Но зато у меня нет ваших способностей и тяги к знаниям. Подозреваю, в прошлом я была той ещё лентяйкой.

– Лентяйка не пошла бы работать в военный госпиталь, – с бескомпромиссной уверенностью возразил Алистер. – Вот скажите, чем вы занимаетесь в свободное от меня время?

– Сама выполняю обязанности пациента профессора Баркли. Веду дневники, подробно, как он велел. Вы ведь тоже ведёте?

– Конечно. Я уже сейчас, имея весьма отдаленное представление о его работе, понимаю, как это важно. Что ещё?

– Иногда гуляю. Читаю. Или сижу за рукоделием, штопаю, шью, вяжу... Работа всегда находится.

– Непохоже на день лентяйки, – усмехнулся он. – Мне кажется, вы просто лишены любопытства. Потребности выяснить, что как устроено, стремления к чему-то новому.

– Возможно, так и есть. Особенно в сравнении с вами, – я тепло улыбнулась ему и взялась убирать со стола. – Чем ещё я могу вас сегодня развлечь? Профессор предупредил, что до двух пополудни вы свободны.

Алистер изъявил желание пройтись. Клятвенно пообещал в этот раз обойтись без моей помощи – в конце концов, это

леди полагается опираться на руку джентльмена, а не наоборот. Признался, что с каждым днём всё сильнее его гложет любопытство, того и гляди заест совсем.

– Я ждал, когда достаточно окрепну и когда вы приедете. С первого дня хотел об этом попросить.

– Вы могли попросить фельдшера. Или доктора Пикфорда. Они ведь часто сюда приходят, – удивилась я.

Неужели дело вовсе не в любопытстве? Он всего лишь неловко пытается ухаживать за единственной дамой в своем окружении. Или учится ухаживать. Оттачивает навык...

– И как далеко вы намерены зайти?

– Как вы мне позволите, – отозвался он, заставив пожалеть о двусмысленности своих слов. Отошёл в угол, противоположный от скелета, и вытащил что-то из-за стеллажей. – Взгляните-ка, что у меня теперь есть. С помощью этого надёжного приспособления я готов дошагать до края света.

Гордо улыбаясь, как коммивояжер, демонстрирующий публике свой товар, он поставил посреди комнаты новенькие сверкающие ходунки. Вроде тех, что в последнее время вошли в моду у дряхлых стариков, неспособных нормально передвигаться даже по дому. Своей временной немощи Алистер вовсе не стыдился и даже охотно над ней шутил.

– Не сомневаюсь, если найдете прямую дорогу. Но для того чтобы выйти на поверхность, нужно подняться по лестнице. И не одной.

– Значит, давайте исследовать подземелья, – предложил

Алистер.

Мне, если честно, подобная идея ни разу не приходила в голову. Он прав: мне совершенно не свойственно любопытство. Но нетрудно было догадаться, что часть тоннелей, соединяющая подвал особняка с лабораторией, надёжно отгорожена, чтобы никто не сумел пробраться извне. Впрочем, Алистер в очередной раз шутил. С него и тропы хватило.

– Неужели вы всегда ходили здесь в одиночку? – удивлённо спросил он, когда мы добрались до моста. – Вы храбрая девушка, Аманда.

Все это время он обходился без ходунков, нес их подмышкой. Но было видно, что уже начинал уставать. Его мускулы все-таки восстанавливались в нормальном для человека темпе, в отличие от невероятно шустрого разума.

– Поначалу было не по себе, признаюсь честно. Но я каждый день проделываю этот путь, в последнее время дважды, а то и трижды в день. Привыкла. Правда, будет гораздо приятнее видеться с вами на поверхности, хотя погода и не располагает к прогулкам.

– Сейчас ведь осень?

– Ноябрь.

– Вероятно, целыми днями идут дожди?

– Не дожди так туманы. Вы, должно быть, любите солнечную погоду? Весну...

– Я не знаю, – ответил он, подумав несколько мгновений.

– Не терпится увидеть окружающий мир? – спросила с

улыбкой.

– Мне все не терпится, – признался он серьезно. Мы остановились на мосту и смотрели, как блики от фонаря играют на черной воде. – Увидеть. Узнать. Наверное, смешно, но всякий раз, когда приходится прерываться на сон, я испытываю острое сожаление. Будто времени слишком мало, вдруг не хватит.

– На что?

– Чтобы жить.

Мы были одни, в месте, где никто не мог незаметно подкрасться или случайно услышать. Слова Пикфорда о том, что мы с Алистером связаны некой общей тайной, до сих пор не давали покоя. И я рискнула спросить.

– Профессор Баркли уже рассказал вам, кем вы были в прошлом? И как случилось, что попали сюда?

– Нет, но вовсе не потому, что намерен это утаить. Я должен многому научиться до того как смогу понять это в полной мере. Уверен, профессор понимает, что делает. Хотя мне очень любопытно, не скрою.

– Любопытство вам свойственно, я заметила, – сказала я, и он кивнул в ответ.

А я вдруг поняла, что неправильно выразилась. Не любопытство – жажда жизни. Знаний, опыта, впечатлений, чувств. Мне казалось чудовищно несправедливым, что его заперли здесь среди книг. Вероятно, чтобы направить эту жажду в постижение наук, ведь когда он выберется и увидит

жизнь во всех ее красках, со всеми ее возможностями, что-то иное может его увлечь.

– А о моем прошлом он что-нибудь говорил? – спросила без особой надежды. У них есть множество гораздо более важных и интересных тем для разговоров.

– Полагаю, только то, что вам и самой известно. Что вы были молодой незамужней леди. Что служили при военном госпитале медсестрой и находились на очень хорошем счету. Что получили тяжёлую контузию и скорее всего не выжили бы, но вас спасли каким-то совершенно особым образом и привезли сюда. Остальное вы должны сами вспомнить.

– Контузию, значит.

В памяти возникли картинки недавнего сна. Сумбурная круговерть обрывочных образов, мелькающих с бешеной скоростью, ярких, сбивающих с толка. Так, что закружилась голова и заломило в висках. Я сжала их пальцами.

– Что с вами, Аманда?

– Все в порядке, я просто... Господи, это так трудно. Порой невыносимо. Я все пытаюсь вспомнить, иногда кажется, что вот-вот... Но каждый раз тщетно. Словно кто-то вырезал мою память, как отрезают поражённую гангреной конечность, и больной мечется в бреду, жалуется, что она болит. А ее уже нет.

Ладонь Алистера легла на плечо. Он не раз касался меня, вынужденный прибегать к моей помощи, не говоря о том, что я долгое время совершала всевозможные манипуляции с

его бессознательным телом. Но сейчас почему-то смутилась.

– Вы придаете воспоминаниям чрезмерное значение. Позвольте себе вообразить худший в вашем представлении вариант, – он сделал паузу, вынуждая повернуться и посмотреть в его глаза. – Вы так ничего и не вспомните. Но разве жизнь будет кончена? Вы молоды, здоровы, в том числе и рассудком, хороши в своем деле. В этом есть даже своеобразное преимущество.

– Интересно, какое? Мне ничего в голову не идёт.

– Вы сами можете выбирать, какой вам быть. Неужели не интересно? Примерять разные роли. Стать кем-то другим.

12. Реверс

Вернувшись с прогулки, пытаюсь скрыться, прошмыгнув к себе незамеченной. Размечталась. Три двери из четырех нараспашку – чтобы мимо моих любопытных соседок даже мышь не проскочила. Меня ловит вездесущая Маринка и снова тащит знакомиться.

Аня торчит в своей палате, наводит марафет. Лена уже отправилась в комнату отдыха. Кое-кто из остальных – тоже. В нашем крыле остались трое из четырехместных палат. Две ровесницы тети Вали приветствуют меня покровительственно и смотрят свысока. Эти явно не желают молодеть рядом с молодежью, туся

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.